

INSPIRIA

18+

ПОМНИ
МЕНЯ

ФИРИ МАКФОЛЕН

INSPIRIA

Фири Макфолен

Помни меня

Серия «Cupsake. Романтические комедии Фири Макфолен»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69255607
Помни меня / Фири Макфолен: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-187265-6

Аннотация

От автора романа "Если бы я не встретила тебя". ИДЕАЛЬНО ДЛЯ ПОКЛОКНИКОВ РОМАНОВ САЛЛИ ТОРН, ХЕЛЕН ФИЛДИНГ И СОФИ КИНСЕЛЛЫ. История о первой любви. Любви, которая возродилась спустя 12 лет.

Ты всегда будешь помнить свою первую любовь.

Джоржину уволили с работы, а придя домой, она застучала своего парня в постели с другой. Не самый удачный день, правда?

Оправившись от такого удара судьбы, Джоржина устраивается на работу в новый паб поблизости. Только есть одна проблема: им управляет парень, в которого она была влюблена много лет назад. А он, ко всему прочему, ее не помнит. Вообще.

Их встреча заставляет Джоржину вспомнить, что же произошло между ними двенадцать лет назад, и задуматься,

почему прошлое все еще преследует ее. Возможно, судьба дает ей второй шанс?

«Этот роман переполнен энергией и юмором». – *Салли Торн*

Содержание

Тогда	8
Сейчас	24
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Фири Макфолен

Помни меня

Mhairi McFarlane

DON'T YOU FORGET ABOUT ME

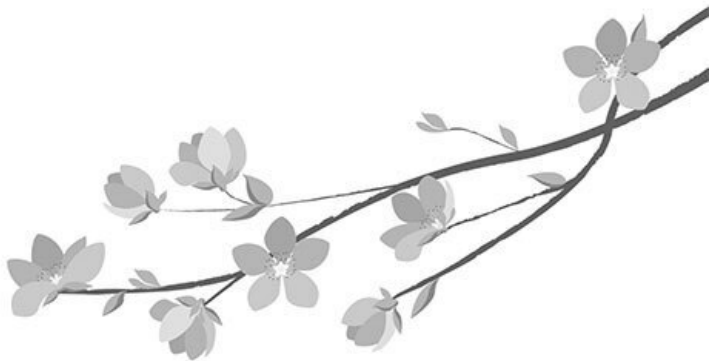
© Mhairi McFarlane 2019

© Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Художественное оформление Екатерины Петровой

* * *

*Моей племяннице Сильви,
маленькому супергерою*

*Любовь необыкновенная так реальна в темноте.
Подумай о том нежном, что было между нами.
«Simple Minds»¹*

¹ Строчки из песни музыкальной группы «Simple Minds». (Здесь и далее прим. пер.)

Тогда

Школа Тэптон, Шеффилд, 2005

«Ты меня любила – так какое же ты имела право оставить меня?.. Когда бедствия, унижения и смерть – все, что могут послать Бог или дьявол, – ничто не в силах было разлучить нас, ты сделала это сама по доброй воле. Не я разбил твое сердце – его разбила ты; и, разбив его, разбила и мое»².

Мой самый неотесанный одноклассник, Дэвид Марсен, поднял глаза и вытер подбородок о рукав. Он прочел отрывок из готического романа Эмили Бронте с такой же интонацией, как читал бы меню в пиццерии. Если ты тинейджер мужского пола, тон непременно должен быть бесстрастным. Иначе другие тинейджеры мужского пола будут называть тебя слабаком.

Воздух в классе спертый и липкий, как всегда в преддверии летней жары. Уже в середине дня кажется, что одежда на тебе грязная. В нашем приземистом здании шестидесятих окна наполовину открыты. Вентиляция бедняков! Со школь-

² Эмили Бронте. «Грозовой перевал». Перевод Н. Вольпин.

ной площадки доносятся веселые крики.

– Спасибо, Дэвид, – сказала миссис Пембертон, когда он закрыл свою книжку в мягкой обложке. – Как вы полагаете, что имел в виду Хитклиф в этом отрывке?

– Он хамит, потому что ему ничего не светит, – ответил Ричард Харди, и мы заржали. Но не только потому, что благодаря его высказыванию откладывалась академическая дискуссия. Ведь эту шутку отпустил сам Ричард Харди! Слышалось невнятное бормотание, но никто так и не ответил на заданный вопрос. До выпускных экзаменов оставалось шесть недель, и в общем настрое преобладали радостное волнение от грядущей свободы и паника от ожидавшей расплаты. Персонажи этого романа с их переживаниями начинали действовать нам на нервы. Нам бы их заботы!

– «Так какое же ты имела право оставить меня» – от этого слегка бросает в дрожь, не так ли? – вымолвила я. Судя по всему, никто больше не собирался нарушить затянувшееся молчание. Миссис Пембертон может рассердиться, если будет продолжаться в том же духе, и увеличит домашнее задание. – По-моему, мысль, что Кэти должна была остаться с ним, а иначе *заслуживает* того, чтобы быть несчастной... несколько... бэ...

– Интересно. Так ты считаешь, что Хитклиф не прав, утверждая, что, отказавшись от своих чувств, она погубила жизнь обоих?

– Вообще-то... – я делаю паузу, собираясь с мыслями, –

тут дело в том, что ее любовь к Хитклифу – как скалы. Она постоянна, но не доставляет Кэти удовольствия. – Я произношу это скороговоркой из-за неминуемого веселья, которое вызовет слово «удовольствие». – Ведь эта любовь вряд ли принесет много радости? Главное – обязательство Кэти перед ним.

– Может быть, тогда их взаимная любовь не традиционно романтична, а глубока и стихийна?

– Она, конечно, мысленная, – произносит мужской голос. Я бросаю взгляд в ту сторону, и Ричард Харди мне подмигивает. Мой пульс учащается.

У нашей учительницы досадная манера принимать меня всерьез и заставлять по-настоящему думать. Однажды она задержала меня после урока и сказала: «Ты унижаешь свой интеллект, чтобы вырасти в глазах одноклассников. За стенами этой классной комнаты широкий мир, Джорджина Хорспул, и оценки на экзаменах для тебя важнее, чем их смех. Хорошенькие личики тоже стареют, знаешь ли».

Я пришла в ярость – такую ярость вызывают люди, которые абсолютно справедливо обвиняют тебя в чем-то. (Правда, мне было очень приятно услышать слова «хорошенькое личико». Я не считала себя хорошенькой. А состарюсь я еще через сто лет.)

Шепот прошел по классу, и всем явно было наплевать на «Грозовой перевал».

Миссис Пембертон, почувствовав, что внимание класса

может отвлечься от Бронте, бросила свою гранату:

– Я решила, что вам нужно поменяться местами. Думаю, что, сидя за одной партой с друзьями, вы вряд ли способны сосредоточиться.

Она начала переходить от парты к парте, пересаживая некоторых, что вызвало ворчание. Я была уверена, что смогу отвертеться.

– Джоанна, можешь остаться на своем месте. А ты, Джорджина, пересядешь вперед.

– Что? Зачем?

Весь первый ряд занимали паиньки. Как это несправедливо!

За парты рассаживались в соответствии с неписаными, но строгими правилами. Зубрилы и чудачки сидели в первом ряду. Середнячки, которые работают ради хороших оценок – как я и Джо, – в среднем ряду. На задних партах располагались крутые: такие как Ричард Харди, Александра Кейстер, Дэниел Хортон и Кейти Рид. Ходили слухи, что Ричард и Александра, типа, встречаются. А вроде бы и нет – потому что крутые.

– Давай же, пересаживайся.

– О, *мисс*!

Я поднялась с тяжелым вздохом и принялась очень медленно складывать в сумку тетради и ручки, чтобы подчеркнуть свое нежелание подчиниться.

– Ну вот. Я уверена, что Лукас будет тебе рад, – сказала

миссис Пембертон, указывая на мое новое место. Ни к чему было произносить эту фразу, которая вызвала смешки.

Лукас Маккарти. Незвестный, который был замкнутым, как все будущие убийцы. Не отверженный, но и не из тех, кого я бы выбрала сама.

Он худой, с острым подбородком, и это придает ему какой-то голодный вид. Лукас ирландец, о чем свидетельствуют черные как смоль волосы и бледная кожа. Некоторые шутники называли его Джерри Адамс³, но только не в лицо. Потому что его старший брат из тех, с кем шутки плохи.

Лукас с опаской смотрел на меня темными серьезными глазами. Я ощутила его настороженность: унижу ли я его своим презрением при всех? Будет ли это мучительно? Нужно ли держать оборону?

Заметив его тревожный взгляд, я вдруг увидела себя со стороны. Значит, я похожа на того, кого стоит опасаться.

– Прости, что обстоятельства вынуждают меня навязываться тебе, – сказала я, усаживаясь за парту. И почувствовала, что напряжение чуть уменьшилось. (Мне нравится использовать в речи высокий стиль, но только в ироническом смысле. Иначе подумают, что я выпендриваюсь. Именно так считает миссис Пембертон.)

– Вот вопрос, над которым вы будете работать вместе до

³ Джерри Адамс (род. в 1948 г.) – ирландский политик и государственный деятель.

конца урока, а в пятницу мы обсудим результаты ваших совместных трудов. «Грозовой перевал» – это книга про любовь? И если так, то про какую именно? Решите сами, кто будет вести записи, – сказала миссис Пембертон.

Мы с Лукасом обменялись неуверенными улыбками.

– Ты мыслитель, так что я лучше буду писцом, – предложил Лукас, небрежным почерком написав тему на листе линованной бумаги формата А4.

– Мыслитель? Спасибо.

Я снова улыбнулась, на этот раз ободряюще. И увидела, что лицо Лукаса просветлело. Я рылась в памяти, пытаюсь отыскать какую-нибудь информацию о нем. Он появился у нас только в шестом классе и поэтому был где-то на заднем плане.

Лукас всегда носил темные майки с наполовину выцветшими картинками, брюки, заметно обтрепавшиеся от стирок, и три красные с синим веревочки в качестве браслетов. Помнится, некоторые мальчики прозвали его за это «цыган». (Но не в лицо, потому что с его старшим братом шутки плохи.) В школьной комнате отдыха он часто сидел в одиночестве, читая какой-нибудь журнал о музыке, пристроив ногу в ботинке «Доктор Мартинс» на колене.

– Я согласен с тобой насчет Хитклифа. Он скорее оборотень, нежели человек, да? – сказал Лукас.

Я вдруг осознала, что, проведя с Лукасом два года в одном здании, в одной классной комнате, ни разу не обмолвилась с

ним словом. Он говорил тихо, и в голосе слышалась ирландская напевность. Мне казалось, что у него должен быть акцент. Раньше я не обращала на Лукаса никакого внимания.

– Да! Он как большая злая собака.

Лукас улыбнулся мне и принялся записывать.

– Вообще-то, меня раздражает, что Кэти должна брать всю вину на себя, – сказала я. – Она принимает неверное решение, а следующим поколениям приходится разгребать все это дерьмо.

– Наверное, если бы она приняла правильное решение, то не было бы сюжета?

Я смеюсь:

– Верно. Тогда было бы просто: «Познакомьтесь с Хитклифами». Погоди-ка, если Хитклиф – фамилия, то как же его зовут?

– Думаю, у него только имя. Как у Морисси⁴.

– А может быть, он Хитклиф Хитклиф.

– Неудивительно, что он такой сердитый.

Я снова рассмеялась. Теперь понятно: Лукас молчаливый вовсе не потому, что тупой. Просто он наблюдает и слушает. Он похож на простую деревянную шкатулку: если ее открыть, то внутри обнаружишь сокровища.

– Правда, это не ее решение... – запинаясь, произнес Лукас, все еще зондируя почву между нами. – Я имею в ви-

⁴ Морисси (род. в 1959 г.) – британский рок-музыкант, основатель рок-группы «The Smiths».

ду, что виноваты деньги, и классовые различия, и все такое, а не она. Она считает, что слишком хороша для него – но ведь это Линтоны внушают ей эту мысль. Все меняется после несчастного случая с собакой. Может быть, вообще во всем виновата *собака*.

Он грыз шариковую ручку и сдержанно мне улыбался. Что-то изменилось – нет, изменилось все. Я еще не знала, что маленькие мгновения могут быть невероятно большими.

– Да. Значит, эта история о том, как любовь разрушает... – мне хотелось произвести впечатление, – неблагоприятная среда.

– А разве она разрушена? Кэти все еще преследует Хитклифа в облике призрака годы спустя. Я бы сказал, что любовь продолжается, изменив форму.

– Но это извращенная, горькая, безнадежная любовь, полная гнева и чувства вины. Он больше не может дотронуться до нее, – сказала я.

– Да.

– Похоже на моих родителей.

Мои шутки обычно имели успех, но я никогда еще так не ликовала, когда кто-то заходил от смеха. Помнится, я заметила, какие белые зубы у Лукаса. Он никогда не раскрывал рта, так что мне не доводилось их видеть прежде.

Вот как это началось. Нет, по-настоящему это началось с четырех слов, спустя три урока.

Они были написаны на линованном листе формата А4, в

самом конце совместного эссе о «роли сверхъестественного». Мы передавали блокнот друг другу и писали, стараясь произвести впечатление.

Я на секунду смутилась, увидев эту рискованную фразу, затем теплая волна прихлынула к шее.

Я люблю твой смех. X

Эта неожиданная сноска была написана синей шариковой ручкой. Она была в самом низу, так что я чуть не пропустила ее. Почему он не послал мне эсэмэску? (Мы обменялись номерами телефонов на случай, если возникнут срочные вопросы насчет Эмили Бронте.) Но я знала почему. Слова на бумаге очевидны, а эсэмэску можно отрицать в случае необходимости.

Итак, она была взаимной, эта внезапная одержимость Лукасом Маккарти. Никогда прежде со мной такого не случилось. Тем более с парнем, чья кожа была цвета морской раковины.

Если прежде я вообще не замечала Лукаса, то теперь была постоянно сосредоточена на нем. У меня развилось звериное чутье: я могла в любое время сказать, в каком углу комнаты отдыха находится Лукас, ни разу не взглянув в его сторону.

В конце концов я написала внизу дрожащей рукой:

Я тоже люблю твой. X

В конце следующего урока я придвинула блокнот Лукасу. Мы посмотрели в глаза друг другу, затем с виноватым видом отвели взгляд. Когда блокнот вернулся ко мне, эта страница исчезла.

Раньше я гадала: как узнать, что ты влюбилась? Ведь со мной никогда этого не случалось. А сейчас любовь узнаешь сразу.

Мы находили любые предлоги, чтобы встречаться после уроков. А если была хорошая погода, мы встречались в Ботаническом саду.

Мы ходили на свидания, но на траве были разбросаны учебники в качестве фигового листка. Мне хотелось расцеловать миссис Пембертон.

Сначала мы без умолку говорили, жадно поглощая информацию. Его жизнь в Дублине, наши семьи, планы на будущее, любимая музыка, фильмы, книги. Этот серьезный, немногословный ирландский мальчик с темными волосами был полон сюрпризов. Он ничего не выставлял напоказ — ни превосходное чувство юмора, ни привлекательную внешность (которая бросалась в глаза, стоило ему выпрямиться), ни острый ум. Он был сдержанным. Я же, наоборот, была несдержанной.

Когда я говорила, он впивался в меня глазами. Он был настолько сосредоточен на мне, что я взглянула на себя други-

ми глазами. Значит, я достойна и мне не нужно так стараться.

Когда мы встретились в третий раз, примерно через пять дней, Лукас наклонился и что-то прошептал мне на ухо насчет компании, расположившейся поблизости. Меня начало трясти. Лукас схитрил: не было никакой необходимости наклоняться. Я чувствовала, что между нами что-то происходит.

Осторожно поправив пряди, выбившиеся из моего «конского хвоста», Лукас спросил:

– У тебя настоящие волосы?

Мы зашлись от истерического смеха.

– Настоящий ли это *цвет*! Натуральный цвет – вот что я имел в виду. О господи...

Я вытерла слезы.

– Да, этот парик моего натурального цвета. Я прошу своего мастера делать парики того же цвета, что мои волосы.

Обессилен от смеха, Лукас сказал:

– Они красивые.

Мы пристально посмотрели друг на друга – и вот уже мы целуемся.

После этого мы начали встречаться под предлогом занятий каждый день. Этот поцелуй сломал барьер, и с каждым разом мы проявляли наши чувства более бурно. Мы шепотом обменивались секретами, страхами и желаниями, и рискованные интимные признания множились. Он придумал

для меня уменьшительное имя. Раньше так на меня никто не смотрел.

До того как я встретила Лукаса, мне не нравилась моя фигура: недостаточно худая, слишком большой бюст, толстые бедра. Обнимаясь с Лукасом, я научилась любить свое тело. Хотя мы были полностью одеты, я не могла не заметить, как сильно действую на него. Его сердце сильно билось, дыхание становилось учащенным. Я прижималась к нему, чтобы почувствовать бугорок в его джинсах. И думала: это из-за меня. При мысли о каком-нибудь укромном месте, где мы могли бы побыть вдвоем, я задыхалась от волнения.

Мы держали все в секрете. Не знаю почему – ведь мы об этом не договаривались. Просто молчали, и все.

В школе все еще существовало нелепое предубеждение насчет того, что кто-то с кем-то встречается. Я не смогла бы выдержать улюлюканье и аплодисменты в коридорах, когда тебя подталкивают локтем, и ухмыляются, и спрашивают, чем же вы таким занимались, что мы оба краснеем. При чем я знала, что меня будут дразнить больше, чем Лукаса. Меня любили, а Лукаса нет. Мальчишки бы подтрунивали, а девочки тянули: «Ну-у?»

Гораздо легче было подождать. Ведь неволя, школа и ее жестокие правила скоро закончатся.

Если строго придерживаться фактов, то первый представитель мужского пола, увидевший мой прикид для выпуск-

ного бала, был поражен, и у него отвисла челюсть. К сожалению, ему было восемь лет, и это был маленький засранец.

Когда я вышла из дома в ранний благоуханный вечер, разодетая в пух и прах, соседский мальчишка стучал дверным молотком, чтобы его пропустили в дом. Точнее, он стучал по молотку палочкой от эскимо, которое сгрыз. Его физиономия была вымазана малиновым мороженым.

– Почему у тебя такое яркое лицо? – осведомился он.

Это замечание можно было отнести к моему радужному настроению, но он имел в виду макияж.

– Отвяжись, Уиллард! – весело ответила я. – На себя посмотри.

– Мне видны твои титки! – добавил он и влетел в дом, прежде чем я успела угостить его подзатыльником.

Я оправила платье, сожалея о том, что Уиллард (хотя он в своей заношенной толстовке «Элмо» и сам не сошел с фотографии в «Вог») вообще-то прав. На мне было темно-красное платье со слишком глубоким декольте, и груди гордо выставлялись напоказ. Готовясь к выходу, я пребывала в волнении. Дело в том, что я впервые в жизни надела нижнее белье, зная, что снимать его буду не я. От этой мысли у меня кружилась голова.

Мы с Лукасом заранее договорились. Поскольку свидания полностью одетыми не только волновали, но и были мучительны, я предложила остаться вместе «в городе» после выпускного бала. Я говорила небрежным тоном, делая вид, что

это самая обычная вещь. Даже пыталась притвориться, будто уже делала это раньше. Я не знала, делал ли он это.

— Конечно, — ответил Лукас с такими взглядом и улыбкой, что я задохнулась от возбуждения. Я была очень взволнована: ведь я знала точную дату, когда лишусь невинности, и это произойдет с *ним*.

В тот день я сходила в отель «Холидэй», сняла номер, оставила кое-какие вещи, посмотрела на двухспальную кровать. Вернувшись домой, я напомнила родителям, что останусь ночевать у Джо. К счастью, моя сестра была в отъезде. Эстер могла за милую учуять вранье.

Вечеринку устроили в ирландском пабе в центре города. Кругом пластик, на столе в зале полно закусок и море разливанное дешевой выпивки в пластмассовых контейнерах. Они доверху наполнены льдом, который скоро растает и превратится в болото.

Как странно: мы с Лукасом оба знаем, что после бала запланировали интимное свидание, но притворяемся, будто между нами нет ничего общего. Я увидела его на другом конце зала. Он был в черной вельветовой рубашке и пил легкое пиво из банки. Мы незаметно кивнули друг другу.

До сих пор представлялось разумным скрывать наши отношения. Но сегодня вечером это было нелепо. Почему их нужно скрывать? Разве в них есть что-то постыдное? Может быть, Лукас предпочел бы обнародовать наши отношения? Не было ли это оскорблением, которое он молча сносил?

Я слегка расстроилась. Но ведь мы установили курс, по которому должны теперь плыть. Я могу открыться позже. *Позже*. Мне с трудом верилось, что это время вот-вот наступит. Это опьяняло.

Я пила сидр и портер в слишком быстром темпе, и мои запреты растворялись в едкой шипучке. Ричард (Рик, как я теперь узнала) Харди сказал:

– А ты в форме. – Затрепетав, я пробормотала слова благодарности. – Выглядишь, как путана высокого класса с золотым сердцем. Это твой образ, верно?

– Ха-ха-ха, – захихикала я, тогда как все покатались со смеху. Это был шуточный разговор взрослых людей, и мне повезло, что я в нем участвую.

Вечер медленно тянулся, и мне казалось, будто я в круге света и смеха, среди избранных. Непонятно, почему я раньше себя недооценивала. О'кей, я в подпитии, но когда тебя вдруг *полюбили* – это что-то!

Мы с Джо обменялись удивленными взглядами: неужели школа действительно закончилась? И мы выжили? И вот-вот вырвемся на простор?

– Эй, Джордж.

Меня поманил Рик Харди. Он называет меня Джордж?! О, я действительно попала в яблочко! Рик стоит, прислонившись к стене, возле контейнеров с банками пива. Вокруг него, как всегда, свита из подхалимов. Ходят слухи, что он не собирается замораживаться с университетом: его оркестр

уже пользуется успехом...

– Я хочу что-то показать тебе, – сказал Рик.

– О'кей.

– Не здесь.

Рик отлепился от стены шикарным движением рок-звезды и сунул свою выпивку одному из почитателей. Протянув мне руку – я чувствовала, как нас сверлят многочисленные пары глаз, – он предложил:

– Пойдем со мной.

Удивившись, я со стуком поставила свою банку с пивом, подала ему руку и позволила вести сквозь толпу. Наверное, есть два варианта: это либо новый автомобиль, либо мари-хуана.

Я оглянулась на Лукаса, давая ему понять, что это ничего не значит. Так, пустяки. Он взглянул на меня точно так же, как когда я впервые села за парту рядом с ним.

Насколько сильную боль ты собираешься мне причинить?

Сейчас

1

– А суп сегодня из моркови и помидоров, – бойко заключаю я с нагловато-веселой ноткой. Дескать, скажите спасибо, что не из апельсинов.

(«Этот морковно-помидорный суп съедобен?» – спросила я шеф-повара Тони. Он шуровал поварешкой в котле, в котором булькало варево с запахом спелых овощей. «Да, Титы-ки Динь-Динь»⁵. Не думаю, что Тони – выпускник Академии обаяния⁶.)

Честно говоря, я общаюсь с клиентами немножко и для себя. Я не просто официантка – я шпион из мира слов, собирающая материал. И я как бы наблюдаю за собой со стороны. Недовольный мужчина средних лет, похожий на менеджера, с унылой женой, изучает меню «Это Amore!»⁷. Оно украшено картинками: «Падающая башня» Пизы, вилка, на которую накручены земляные черви, и Паваротти, который выглядит как снежный человек, которого хватил удар.

⁵ Фея Динь-Динь из «Питера Пэна» Д. Барри.

⁶ Аналогия со «школой обаяния» – курсы, на которых обучают хорошим манерам, искусству одеваться, держаться в обществе и т. п.

⁷ Любовь (*итал.*).

Он заказал столик на имя мистера Кита. Это звучит забавно. Правда, есть актриса по имени Пенелопа Кит.

– Морковь и помидоры? О нет, не думаю.

Я тоже так не думаю.

– Что вы рекомендуете?

Я ненавижу этот вопрос, поскольку это приглашение к лжесвидетельству. Тони сказал мне: «Напиши spaghetti vongole⁸, потому что «моллюски» звучит как-то не так».

Что я рекомендую? Пойти в турецкий ресторан, который в двух шагах отсюда.

– Как насчет arrabiata?⁹

– Это острое блюдо? Я не люблю, когда во рту жжет.

– Оно со специями, но не острое.

– То, что для вас не острое, для меня может быть острым, юная леди!

– Зачем же тогда просить у меня совета? – бурчу я еле слышно.

– Что?

Я улыбаюсь глуповатой улыбкой. Эта улыбка – важный прием, которым необходимо овладеть. Я слегка наклоняюсь: руки на коленях, подхалимская поза.

– Скажите, что вы любите.

– Я люблю ризотто.

Почему бы вам тогда просто не выбрать ризотто?

⁸ Спагетти с моллюсками (итал.).

⁹ Паста «Аррабиата».

– Но оно с морепродуктами. – Он делает гримасу. – С какими именно морепродуктами?

Они упакованы в пластиковый контейнер с надписью «МОРЕПРОДУКТЫ». Выглядят, как наживка, которую продают в магазинах для рыболовов.

– Смесь. Моллюски... креветки... мидии...

Я принимаю заказ на карбонару с замирающим сердцем. На этом мужчине крупными буквами написано: «Въедливый Зануда». А в нашем ресторане и занудным, и незанудным посетителям есть к чему придраться.

Вот самые рейтинговые комментарии насчет «Это Amore!» на сайте TripAdvisor:

Это место – настоящий кошмар. Что касается чесночного хлеба, то, похоже, кому-то удалось намазать дурной запах изо рта на тост. Правда, этот хлеб прекрасно дополняет паштет, у которого такой вкус, будто он приготовлен из престарелого осла. Я увидел шеф-повара, когда приоткрылась дверь в кухню – и немедленно отбыл, прежде чем мне успели навязать основное блюдо. Как ни печально, я так никогда и не узнаю, исправили бы впечатление телячьи scalopini¹⁰. Но официант пообещал, что все «из местных источников». Вероятно, где-то поблизости висит на заборе объявление о пропавшей кошке.

Конечно, это мой первый и последний визит в эту адскую дыру. Но все же любопытно, черт побери, что

¹⁰ Эскалопы (итал.).

такое «Нипсендская креветка»?¹¹ Как известно, у этого города нет береговой линии. Я предпочел бы в этом ресторане Pollo alla Cacciatora¹² в качестве предсмертной трапезы – в том смысле, что это бы лишило смерть ее жала.

Я сказал владельцу «Это Amore!», что в жизни не пробовал худшего болоньезе. Он ответил, что так готовит болоньезе его Nonna¹³ по своему особому рецепту. Я сказал, что в таком случае его «Nonna» не умеет готовить, и он обвинил меня в оскорблении его семьи! Но он такой же итальянец, как Борис Беккер¹⁴.

Это настоящее дерьмо.

2

– Когда ты узнала, что хочешь быть официанткой? – спрашивает Кэллум, мой единственный коллега, пытаюсь лихо, на манер ковбоя, выпить оранжину. Затем он небрежно закручивает колпачок.

У него намек на усики и круги от пота под мышками. Единственное хобби и/или интерес Кэллума – спортзал. Он посещает занятия под названиями типа «Сломай себе ноги».

¹¹ Нипсенд – пригород Шеффилда.

¹² Курица по-охотничьи (*итал.*).

¹³ Бабушка (*итал.*).

¹⁴ Борис Беккер (род. в 1967 г.) – немецкий теннисист.

У меня вызывают опасения его попытки флиртовать. Чтобы пресечь эти намерения, я говорю с ним строго, как «старшая сестра».

– Гм-м... Я бы не сказала, что хочу этим заниматься.

– Вот как? Повтори-ка, сколько тебе лет? – просит Кэллум.

Кэллум, не слишком смысленный двадцатидвухлетний парень, и не подозревает, что ход его мыслей совершенно прозрачен. Однажды он сказал мне, что шаговая машина творит чудеса «даже с людьми, у которых на стоун¹⁵ или на стоун с половиной превышен вес».

– Тридцать, – отвечаю я.

– Bay!

– *Спасибо.*

– Нет, я имею в виду, что ты не выглядишь такой старой. Ты выглядишь... ну... на двадцать восемь.

Когда-то я была одного возраста с людьми, с которыми работала в индустрии сервиса, но в последнее время все больше чувствую себя пожилой. Будущее – это то, о чем я стараюсь не думать.

Я поступила на службу в «Это Amore!», когда на месяц запоздала с квартплатой. Это ретро, внушала я себе: оплывающие свечи в бутылках от кьянти, помещенных в плетеные корзинки, скатерти в красную и белую клетку, пластмассовая виноградная лоза, выущая над баром, и итальянские

¹⁵ 6,35 кг.

классические любовные песни на стерео.

– Почему ты не найдешь приличную работу? – спросила мама.

Я в миллионный раз объяснила, что я писательница, ожидающая своего часа, так что мне нужно зарабатывать деньги. А если я найду приличную работу, то останусь там навеки. В дальнем углу платяного шкафа я храню свой старый ежегодник за шестой класс. Согласно голосованию в классе, я, скорее всего, должна была далеко пойти и получить первую степень¹⁶. Да, я далеко пошла – до самой дерьмовой траттории в Шеффилде. А университет я бросила после первого семестра.

– Ты собираешься стать престарелой официанткой без пенсии, – заключила мама.

Моя сестра Эстер как бы поддержала меня:

– Слава богу, туда не ходит никто из тех, кого я знаю.

Джоанна сказала:

– А не в «Это Amore!» год назад была вспышка норовируса?¹⁷

Поскольку я лично отведала «деревенской простой пищи», то полагаю, что несправедливо делать норовирус козлом отпущения.

А сейчас я могла бы взять молоток и изо всех сил вмазать

¹⁶ Степень бакалавра, присуждаемая колледжем или университетом выпускнику, успешно сдавшему выпускные экзамены.

¹⁷ Норовирус – вирус, вызывающий желудочно-кишечные эпидемии.

по CD. Мне ужасно хочется дать в глаз Дину Мартину¹⁸, на манер Майка Тайсона.

Оказывается, моя роль – не столько официантка, сколько апологет гастрономического терроризма. Я мул, который перетаскивает криминальную пищу с кухни на столики, а на допросе отвечает: невиновен.

Мне сказали, что бесплатный ланч – дополнение к моей скудной зарплате. Вскоре выяснилось, что эта еда мне, как мертвому – припарки.

Но вот что удивительно: благодаря пенсионерам, мазохистам, приезжим и студентам, которых привлекает скидка под девизом «ранней пташке достается червяк», ресторан «Это Amore!» приносит прибыль.

Его владелец, ворчун, по прозвищу Носатый, претендует на средиземноморское происхождение «по линии мамы». Однако, судя по внешности и выговору, он явно из Шеффилда. Время от времени он заглядывает, чтобы выпить граппы и выгрести деньги из кассы. А вообще-то, он с радостью передал руководство Тони, который фактически и является боссом.

Тони – жилистый мужчина, окутанный клубами табачного дыма. Он заядлый курильщик: прикуривает одну сигарету от другой. С Тони можно ладить, если правильно с ним обращаться, а именно: считать его божеством, игнорировать приставания и почаще напоминать себе, что главное – это

¹⁸ Дин Мартин (1917–1995) – американский джазовый певец и актер.

мое жалованье.

Сегодня не особенно много посетителей, и, доставив тарелки с основным блюдом на все столики, я рассматриваю свое отражение в нержавеющей стали кофемашины.

С другого конца зала доносится голос:

– Извините? Извините!..

Меня зовет мистер Кит, и я изображаю умеренную заинтересованность. Мне хорошо известно, что будет дальше. Он берет вилку и роняет ее в застывшую карбонару цвета дрождей.

– Это несъедобно.

– Простите, что с ней не так?

– А что с ней так? У нее вкус невымытых ног. И она чуть теплая.

– Хотите что-нибудь другое?

– Нет. Я выбрал карбонару, потому что хотел именно это блюдо. Да, карбонару, но только съедобную.

Я открываю было рот и снова закрываю. Есть только один способ исправить положение: уволить Тони, сменить всех поставщиков и снести «Это Amore!» с лица земли.

– Очевидно, тарелка с карбонарой долго стояла, пока вы готовили ризотто для моей жены.

Я бы не стала делать такие смелые выводы: истина еще хуже.

– Мне попросить на кухне, чтобы вам приготовили другую?

– Да, пожалуйста, – отвечает мужчина, передавая мне тарелку.

Я объясняю ситуацию Тони, который не обижается, когда посетители говорят, что его стряпня отвратительна. Лучше бы он воспринимал это как личное оскорбление: возможно, тогда улучшилось бы качество.

Он берет сумку с наструганным пармезаном, добавляет немного сыра в карбонару, размешивает ее и ставит в микроволновку на две минуты. Когда слышится сигнал, Тони вытаскивает тарелку.

– Сосчитай до пятидесяти и отдай ему. Рот ощутит тот вкус, который подскажет уму. – И он стучит себя по лбу.

Если бы все было так просто, у «Это Amore!» была бы Мишленовская звезда, а не критические комментарии в TripAdvisor.

Но дело в том, что если я начну спорить с Тони, то он заменит карбонару другим блюдом, которое будет ничуть не лучше.

Я морщусь от смущения. Пока что моя жизнь – это бесконечная борьба с собственными нервами.

* * *

Подождав немного для создания иллюзии, я прохожу с мерзкой пастой через вращающиеся двери.

– Пожалуйста, сэр, – говорю я, снова изображая глупую

улыбку. – Приношу свои извинения.

Мужчина изучает тарелку, а я радуюсь тому, что на пороге показалась пожилая чета, которую нужно поприветствовать и усадить.

Как только я покончила с этим, мистер Кит снова манит меня с роковой неотвратимостью. *Я должна уволиться. Должна уволиться.* Только сначала надо уплатить квартплату за этот месяц. И взять билеты, чтобы провести неделю на Крите с Робинсом, если удастся его уговорить.

– Это то же самое блюдо, которое я отослал на кухню.

– О нет! – Я изображаю удивление, энергично мотая головой. – Я попросила шеф-повара заменить его.

– Это та же самая тарелка. – Мужчина указывает на трещину на фарфоре с узором. – Я уже видел эту трещину.

– Гм-м... Может быть, он приготовил новую карбонару и использовал ту же самую тарелку?

– Значит, он приготовил другую пасту, выбросил прежнюю в мусорное ведро, вымыл тарелку, вытер ее и снова использовал? Почему бы не взять другую тарелку? У вас мало тарелок?

Весь зал уже слушает. Мне нечего сказать.

– Давайте будем реалистами. Это та же самая карбонара, только подогретая.

– Я уверена, что шеф-повар приготовил другую.

– Уверены? Вы видели, как он ее готовил?

Быть может, клиент прав, но в данный момент я ненавижу

его.

– Не видела, но... я уверена, что он приготовил новую.

– Позовите его сюда.

– Что?

– Позовите шеф-повара. Пусть он объяснит сам.

– О... В данный момент он очень занят у плиты.

– Не сомневаюсь, учитывая его странную привычку одновременно мыть посуду.

Моя глуповатая улыбка становится широкой, как у Джокера.

– Я подожду здесь, пока у него найдется несколько свободных минут, чтобы побеседовать со мной. Пусть объяснит, почему мне подали те же самые помои и солгали насчет них.

Я отправляюсь обратно на кухню и говорю Тони:

– Он хочет с вами побеседовать – тот клиент с карбонарой. Говорит, что это та же самая, потому что она на той же тарелке.

Тони сейчас в процессе поджаривания утиной грудки, которую переворачивает щипцами. Я сказала «утиная», но если недавно был ограблен какой-нибудь зоомагазин, то жариться может и попугай.

– Что? Скажи ему, чтобы отвязался. Тоже мне детектив... – Он делает паузу. – Тарелка?

В битве умов между детективом Тарелкой и Тони я бы поставила деньги на первого.

– Ты обслуживающий персонал, вот и разбирайся с этим.

Это не моя сфера.

– Вы дали мне то же самое блюдо! Что прикажете делать?

– *Очаруй его*. Вот какой ты должна быть – очаровательной. – Он с вызовом осматривает меня с головы до ног.

В этом весь Тони: он соединяет в одном распоряжении пассивную агрессию, хамство на рабочем месте и сексизм.

– Я же не могу ему сказать, что его собственные глаза плохо видят! Нам следовало поменять тарелки.

– Черт бы побрал эту утку! – восклицает Тони, снимая с плеча посудное полотенце и швыряя его на пол. – Эта долбаная утка превратится в угли.

Какое лицемерие – винить клиентов в плохом качестве стряпни!

Он выключает газ под сковородкой и театрально врывается в зал через вращающиеся двери.

– Который?

Не думаю, что агрессивное поведение поможет делу.

Я протискиваюсь мимо Тони и веду его к столику, дипломатично издавая умиротворяющие звуки.

– В чем проблема? – низким голосом произносит Тони, уперев руки в бока. На нем китель шеф-повара, отнюдь не блестящий белизной.

– Вот эта проблема, – отвечает мистер Кит, берясь за вилку и с отвращением роняя ее. – Неужели вы считаете, что это можно есть?

Тони смотрит на него свысока:

– Вы знаете, что входит в карбонару? Это традиционный итальянский рецепт.

– Яйца и пармезан, не так ли? А это по вкусу как плавленый сыр, протертый через пояс рестлера.

– Ах простите, не знал, что вы ресторанный критик.

Наверное, Тони совсем очумел от своей последней сигареты, если так хамит клиенту.

– Не обязательно быть А.А. Джиллом¹⁹, чтобы понять, что это гадость. Однако раз уж вы подняли этот вопрос... Я действительно пишу сегодня статью о вашем ресторане для «Стар».

Тони, и так уже бледный от своего меню, состоящего из сигарет и роллов с беконом, становится белым как мел.

Если бы ситуация не была такой отчаянной, я бы рассмеялась. К тому же это было бы крайне непрофессионально. Я с задумчивым видом тру лицо.

– Тогда, может быть, вы предпочли бы что-нибудь другое? – спрашивает Тони.

При этом он скрещивает руки на груди и бросает на меня взгляд. Я знаю, что на кухне получу взбучку. **РАЗВЕ ТЫ НЕ МОГЛА СПРАВИТЬСЯ С ЭТИМ САМА?**

– Вовсе нет. Я попросил вас заменить блюдо, но вы только подогрели его. Неужели я в третий раз увижу эту мерзость?

Я замечаю, что у миссис Кит на удивление спокойный вид. Может быть, она рада, что кто-то другой получил нагоняй от

¹⁹ А. А. Джилл (1954–2016) – британский журналист.

ее мужа. Если только она действительно жена, а не помощница критика.

– Я думал, вы хотели, чтобы паста была горячей?

– Да, горячей. Но я хотел, чтобы блюдо заменили, а получил ту же самую отраву.

Тони поворачивается ко мне:

– Почему ты не сказала мне, что он хочет другое блюдо?

Я отвечаю, нахмурившись:

– Э-э, разве я не?..

– Нет. Ты сказала, что нужно подогреть.

Я так потрясена этой наглой ложью, что не в силах возразить.

– Но я же сказала?.. – Я не доканчиваю фразу. Ведь если я повторю весь наш разговор, это будет предательством. Но неужели я должна согласиться, что это моя вина?

Пауза. Да. Да, это моя вина.

– Ты называешь меня лжецом? – продолжает Тони. К нам прикованы взгляды всего зала.

Я открываю было рот, чтобы ответить, но не произношу ни звука.

– Ну так вот что я тебе скажу: ты уволена!

– Что?!

Наверное, он шутит? Но Тони указывает на дверь. Кэллум, которого я замечаю на другом конце зала, в шоке. У него отвисла челюсть, руки судорожно сжимают гигантскую перчатки.

– О, это уж чересчур... – говорит мистер Кит, вдруг сбавив тон. Так вот почему Тони это сделал! Это единственный способ одержать верх. Он надеется, что в центре статьи в «Стар» не будет фигурировать несъедобная карбонара.

Стоит такая тишина, что можно услышать, как упадет булавка. Только Дин Мартин тихо и проникновенно поет в микрофон о старом Наполи.

Сняв передник, я бросаю его на пол и неловкими руками роюсь за барной стойкой в поисках своей сумки.

Я выскакиваю на улицу, не оглядываясь. У меня щиплет глаза от слез. Ну уж нет, не дождетесь! Не видать вам моих слез!

Я захожу за угол и ищу в сумке бумажные носовые платки, так как у меня потекла тушь. В этот момент приходит эсэмэска от Тони.

Прости, секс-бомба. Иногда нужно отдать им чей-то скальп. Ты вернешься к нам через две недели, а если узнает этот долбаный критик, скажем ему, что у тебя умерла мама и мы сжалились. Считай это отпуском! Правда, неоплачиваемым.

Это Amore.

И тут до меня доходит еще кое-что.

Мать твою, я же забыла свое пальто!

Первая мысль: мое пальто – военнопленный. Они не могут его пытать, так что оставь его. Вторая мысль: черт побери, это же мое пальто из искусственного меха цвета розовой жвачки! Это моя броня, воплощение моей личности. На сентиментальной шкале оно стоит на втором месте после моей древней черепахи Джемми. И кроме того, я уже дрожу от холода.

Погодите-ка, у меня же там есть свой человек! Кэллум. Я посылаю ему эсэмэску, полагая, что он, конечно, сочувствует мне и выполнит мою просьбу.

Немедленно приходит ответ:

Я отдам тебе твое пальто, если ты придешь ко мне на свидание.

Я удивленно моргаю. Ты же видел, как меня публично и унизительно уволили – и теперь требуешь секс за свою услугу? Ну, ты у меня дождешься! Не ответить ли, что купила это пальто на распродаже всего за 50 фунтов три года назад, так что оно того не стоит?

Но моя цель – получить свое пальто, а не фотографию, на которой оно в мусорном баке.

Ха-ха-ха! Разве я не безработная, к тому же без гроша в кармане, так что вряд ли смогу заплатить за выпивку в свой черед? Увидимся у парадного входа через 1 минуту?

Я сам заплачу. Это означает «да»?

Как это противно – терпеть, когда тебя пытаются заставить что-то сделать и признают это, но тем не менее продолжают?

О’кей, соврем.

Конечно.

А ведь он знает, что у меня есть бойфренд. Как-то раз упомянул в разговоре: *Значит, его зовут Робин?*

Я стою у входной двери, но Кэллума не видно. Продав пять минут, которые кажутся пятью часами, посылаю ему следующую эсэмэску, состоящую из вопросительного знака. Проходит еще три минуты, и наконец он появляется.

– Приходится крутиться: ведь я теперь один.

Может быть, я должна принести за это извинения?

Я смотрю на вещь, которую держит Кэллум. Это бежевый тренч.

– Это не мое.

– О!

– Мое розовое и пушистое.

Кэллум исчезает за дверью. Снова тянутся минуты. Вряд ли в гардеробе есть еще одно пальто цвета розовой жвачки, что оправдало бы столь долгое отсутствие. Я заглядываю в

окно, затянутое сеткой чайного цвета. Кэллум принимает заказ возле стола на восьмерых. Он болтает и шутит и явно не торопится.

Досада одерживает победу над стыдом. Я распахиваю дверь и строевым шагом вхожу в ресторан. Под взглядом многочисленных глаз открываю дверь за баром. На обратной стороне крючки, и на одном из них висит мое пальто.

– Юная леди! Юная леди?

Обернувшись, я вижу, что меня подзывает мистер Кит. Я бросаю настороженный взгляд в сторону кухни. А впрочем, что еще может мне сделать Тони? Уволить во второй раз?

Я приближаюсь к столику мистера Кита. Он вытирает губы салфеткой.

– Мне жаль, что так получилось. Если бы я предвидел последствия...

– О, все в порядке, – отвечаю я. – Это не ваша вина.

– Запомните на будущее: честность – всегда лучшая политика.

Я удивленно смотрю на него. Он снова отчитывает меня? Какого хре...

– Я сказала правду. Это шеф-повар солгал, – отрезаю я.

– Но вы же сказали, что повар приготовил мне другое блюдо?

А, так вот в чем дело.

– Нет, не приготовил, но сказал мне, чтобы я...

– И вы солгали?

– Чтобы не потерять работу! Он велел мне солгать!

– И что, это вам помогло?

Я открываю и снова закрываю рот, безмолвно повторяя:

«Это он солгал».

– В любом случае я решил не писать об этом ресторане, чтобы не ставить вас в неловкое положение.

У меня отвисла челюсть:

– Но именно этого он и хотел! Вот почему он меня уволил! Чтобы вам было неловко писать о том, какая тут дерьмовая еда!

Мой голос становится пронзительным, и теперь уже все смотрят на меня.

– Напишите об этом! Расскажите всем, что тут творится! И о том, что меня уволили. Мне все равно!

– Это не очень-то коллегияльно, не так ли?

– Или... – продолжаю я, чувствуя, как все в зале затаили дыхание, – я напишу об этом для вас. Я могла бы написать вам хороший материал об этом ресторане. Ведь теперь больше нет конфликта интересов.

Мистер Кит откашливается.

– Хорошо. «Официантка месяца».

Мне хочется упомянуть о том, как на маргарине в бочонке отпечатались следы лап грызунов и Тони снял верхний слой ложкой для мороженого и продолжил использовать этот маргарин. А еще можно вытащить мой телефон и показать мистеру Киту эсэмэску от Тони, которую я только что полу-

чила. Да, тогда Тони конец.

Кэллум в ужасе уставился на меня. Когда он переводит взгляд на дверь кухни, я понимаю, что сейчас будет.

Тони выступает с важным видом, в руках у него другая тарелка с пастой. Вид самый добродушный, но, когда он замечает меня, глаза становятся как буравчики.

– Никак не можешь уйти, хотя тебе больше не платят? Все, Джорджина, уходи. Клиенту надоело с тобой препираться.

Тони ставит тарелку на стол. Карбонара выглядит довольно прилично. Наверное, Тони заглянул в «Гугл» и добавил в нее яйцо.

– Я с ним не препираюсь, он сам со мной заговорил. Я вернулась за пальто.

Стук ножей и вилок еще не возобновился, так что слышно только нас и еще «*volare, woouooooah oh*».

В эту минуту я замечаю кого-то позади мистера Кита. Это маленькая девочка со стрижкой «паж», в большой бумажной короне с надписью «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ». Ее щеки измазаны томатным соусом. Она оторвалась от *penne marinara*²⁰ и вместе со своей семьей слушает эту непристойную перебранку. Мы портим праздник малышке, которой исполнилось пять лет. Поскольку все напряженно ждут, что я буду делать дальше, то это моя вина.

Мои немногочисленные хорошие воспоминания детства связаны с радостным волнением, когда меня водили куда-ни-

²⁰ Паста пенне с соусом маринара (*итал.*).

будь пообедать. Я ела куриные нагетсы и клянчила вторую порцию кока-колы.

– Забудьте. Я только хотела забрать свое пальто. Вот и все.

– Смотри, чтобы тебя не прищемило дверью, – бормочет Тони, затем, повысив голос, обращается к мистеру Киту: – Надеюсь, эта драма не испортит вам аппетит.

– Надеюсь, карбонара не испортит вам аппетит, – говорю я, и мистер Кит качает головой.

Повернувшись, я выхожу из зала, ощущая на себе взгляды всех присутствующих. Я никогда не считала эту работу такой уж хорошей, но и не думала, что все закончится так унизительно. Дверь захлопывается за мной, и я делаю выдох.

Я шагаю по улице слишком взвинченная, чтобы поискать в сумке сигареты. Мне не хочется, чтобы ситуация обернулась приступом паники. Я помню, что говорил психоаналитик: когда я чувствую, как тревога вздымается, словно волны в море, нужно сосредоточиться на дыхании.

Мой телефон подает сигнал.

Держи наше свидание в секрете. Тони рассвирепеет, если узнает, и уволит меня тоже.

Кажется, Тони уже рассвирепел: я вижу еще одну эсэмэску.

ХРЕН ТЕБЕ, принцесса. У меня для тебя нет работы, и тебя нигде не возьмут, стоит мне только слово сказать. Ты в ЧЕРНОМ СПИСКЕ. Следующая работа у тебя

будет на Северном полюсе.

Я набираю ответ:

Тони, твоя фамилия не Сопрано. Если бы ты был из клана Сопрано, то знал бы побольше об итальянской кухне.

На самом деле я не столь легкомысленно отношусь к его угрозе. Бистро Шеффилда со средними ценами – это маленький мирок. Теперь я не смогу заплатить за квартиру в следующем месяце. Я не привыкла наживать врагов, обычно я виртуозно сглаживаю острые углы и умею умиротворять.

Хотя, возможно, я лыщу себе: прибывает третья эсэмэска. Она от моей сестры Эстер, которую мне никогда не удавалось умиротворить.

Ты придешь в воскресенье вместе с Робинотом? Отвечай поскорее. Жаркое из говядины. Дай мне знать, нет ли аллергии на йоркширский пудинг или на что-нибудь еще.

Вот такие эсэмэски всегда шлет мне Эстер, как будто я нерадивый сотрудник в ее бухгалтерской фирме. Правда, шпилька в последней фразе направлена против Робина.

Его сейчас нет в городе! Но все равно спасибо. х

А еще я виртуоз по части невинной лжи. Робин и мои родственники плохо сочетаются. Попробовав два раза привести моего бойфренда на семейные сборища, я решила отложить проект объединения на неопределенный срок. Я сворачиваю

за угол, и то, что психологически «Это Amore!» скрылся с моих глаз, слегка помогает. Все хорошо. Через два года будет тапас-бар, где замороженные креветки становятся в микроволновке резиновыми.

Правда, есть и плюс: Робин будет *в восторге*, когда я сегодня вечером расскажу ему о своем увольнении.

Я уже мысленно репетирую ключевые моменты, которые вызовут смех. В школе все настойчиво требовали моих историй, так как я хорошо рассказывала. Если у меня случались ужасные летние каникулы, то, вернувшись в школу, я превращала их в чистое золото. *Джордж, расскажи ту историю, где...*

Однажды Джо сказала с восхищением: «С тобой всегда происходят безумные вещи. Ты, как магнит, притягиваешь безумие!» (Это могло бы показаться не очень лестным для меня, но Джо никогда не была подлой. Она всегда говорит только то, что думает.) И я объяснила: я умею подмечать вещи. Умение оценить абсурд пригодилось мне в детстве.

Трясущимися руками я щелкаю серебряной зажигалкой, ощущая ее приятную тяжесть, и загорается кончик сигареты. Вдохнув никотин, я сразу чувствую себя лучше. Ни к чему поддаваться обстоятельствам.

Сейчас ранний зимний вечер, и от холода воздух кажется дымным. Чувствуется атмосфера уик-энда. Толпы в Брумхилле, запах лосьона после бритья смешивается с духами. Слышится оживленная болтовня – значит, уже опрокинули

пару стаканчиков.

Я рассматриваю свое отражение в витрине «Бетфред», переминаясь с ноги на ногу. Обычно я спорю с мамой, когда она говорит мне: «Небрежность очаровательна в юности, но с возрастом она становится неуместной, Джорджина». Но сейчас мне подумалось: а не отдает ли мой игривый вкус (короткие платья и жидкая подводка для глаз) «Последним выходом в Бруклин»?²¹

«Не переборщи с макияжем: ты же блондинка. То ты панк, как Дерил Ханна в «Бегущем по лезвию», а через секунду – Джули Гудиэр»²².

Как же мне будет не хватать сомнительных комплиментов Тони!

Я начинаю писать Робину эсэмэску о своем увольнении («ты ни за что не угадаешь, что сделали эти твари»), но затем стираю. Раз уж у меня неожиданно освободился вечер пятницы, нечего тратить его на прозаические эсэмэски!

Мне хочется обставить все это элегантно.

На одном из наших первых свиданий (я говорю «свидания», но на самом деле меня приглашали в квартиру Робина выпить красного вина, и в конце концов около 9 часов вечера он размахивал передо мной рекламой ресторана с едой навынос и спрашивал: «Ты ела?») Робин сказал:

– Проживай свою жизнь, как в этой песне.

²¹ Второй сингл немецкой группы «Modern Talking».

²² Джули Гудиэр (род. в 1942 г.) – английская актриса.

В тот момент звучала песня Элвиса «Подозрительные умы», так что я спросила:

– Как проживать – подозрительно?

У него громоздкая стереосистема с вертящимся диском, такая старая, что уже может считаться модной, с лампочками регулятора громкости, от которых образуется рябь.

– Я имею в виду то, как она замирает в конце. Песня и так уже блестящая, но этот финал гениален, потому что он неожиданный. В эту минуту хорошее превращается в великое.

Сделав паузу, Робин продолжает:

– Все думают, что нужно все делать определенным образом. Моногамия, брак, ипотека. К пункту два прилагается четверо детей, поскольку иначе что же делать со второй половиной жизни? Мыть автомобиль и жарить цыпленка в духовке каждое воскресенье? Уильям Блейк сказал: «Оковы, выкованные разумом». Люди не хотят избавиться от свода правил, это их пугает. Все мы живем в неволе.

Я подумала, что жареный цыпленок – это совсем неплохо. Но я знала, что Робин сейчас не просто делится своими взглядами на мир: это завуалированный намек для меня.

(Если бы он собирался завести семью, то уже сделал бы это, Джорджина. Спасибо, мама.) Я была исполнена решимости сохранять бесстрастный вид.

– Сконструированная реальность. Как в «Матрице». – Я беру в руки меню «Шанхайского сада».

– Да! Запреты – это иллюзия.

– Скажи это моему офицеру по надзору²³, – сказала я.

Робин рассмеялся и, открыв окно, зажег косяк.

– Молодец.

Я чувствую удовлетворение от того, что я – Крутая Девочка.

– Не поделишь ли ты со мной иллюзию риса Кунг По?

4

Не взять ли мне такси до Келхэм-Айленд? И тут я вспоминаю, что снова придется жить на пособие по безработице. Да, нужно ехать на автобусе. Подобные проблемы неведомы Робину.

Как ни странно, Робин в своем роде знаменитость. Пожалуй, «знаменитый» – это уж чересчур, но слово «известный» положительно вводит в заблуждение. Его лицо и имя могут быть вам известны, если вы входите в весьма специфическую возрастную группу в Британии, смотрите наименее известные каналы ТВ, следите за «экспериментальной» комедией, а также если вы тинейджер, предпочитающий курение марихуаны всему остальному.

Когда я увидела его квартиру в модном пентхаусе, перестроенном из здания фабрики, с кожаными диванами цве-

²³ Сотрудник суда, который наблюдает за поведением условно осужденного.

та красной губной помады, коврами и спальней на антресолях, то подумала: *вау, «экспериментальная» комедия дает неплохой доход!*

За те шесть месяцев, что мы встречаемся, я не раз видела, как Робин отказывается от разных предложений, которые «не соответствуют тому, что я пытаюсь создать». Он отшвыривает счета, не читая, однако электричество не отключают и горячая вода продолжает течь. В конце концов я пришла к заключению, что доходы поступают из другого источника.

Отец Робина был какой-то крупной шишкой на государственной службе. Сейчас он ушел в отставку, и родители моего бойфренда поселились на побережье Корнуолла. Робину принадлежит собственность: «Я получаю рентный доход». Больше я не спрашивала, чтобы не выглядеть золотоискателем.

– Твоим родителям нравится то, что ты делаешь? Они твои фанаты? – осторожно спросила я. В этом вопросе как бы содержался намек: *вау, они неплохо тебя обеспечили.*

Робин провел рукой по своим буйным волосам.

– Вообще-то, «фанаты» – это громко сказано. Они хотят, чтобы я реализовался в той области, в которой вижу свой потенциал.

Наше неравенство никогда не обсуждается, за исключением тех случаев, когда я прихожу измученная после смены. Он пожимает плечами и говорит: «Ну тогда пошли все это на хрен». Ведь ему не понять, каково это: висеть на брусках, ко-

гда внизу нет финансового мата на случай, если сорвешься. Его любимая фраза «Жизнь – то, чем ты ее делаешь» слегка раздражает.

Правда, он никогда не сетовал на наши различия, финансовые и прочие. Этому самому мускулистому и жилистому мужчине из всех, с кем я спала, нравятся мой живот, похожий на водяной матрац, и зад, слишком пышный от неумеренного потребления маршмеллоу. И он с удовольствием остается в моей мансарде в стандартном домике, ряд которых тянется вдоль улицы в Крукс.

– Взгляни на это таким образом: если захочешь стать писательницей, то мансарда у тебя уже есть.

– Я рада, что ты наслаждаешься своим путешествием в нищету, – сказала я, а он ответил: – *О, путешествие в нищету! Мне нравится эта фраза, я ее где-нибудь использую.* Он часто так говорит.

Когда подходит автобус, я тушу окурок и сую в рот жвачку. Итак, мне больше не нужно подавать недовольным клиентам рагу из собачьих консервов. У меня выходной, и вечер только начинается. Выше голову!

Добравшись до места назначения, выхожу из автобуса. От остановки две минуты ходьбы до Робина, но я вдруг начинаю сомневаться, разумна ли концепция потрясающего сюрприза. Вероятно, мне бы следовало предупредить его?.. Если ты чужд условностям, то проблема в том, что никогда не угадаешь, не вызовешь ли раздражение.

Когда я приближаюсь к зданию, то вижу у двери Робина. В руках у него дешевый синий пластиковый пакет. В нем явно что-то тяжелое, и он купил это в магазине на углу.

Вот подходящая минута! Я позвоню ему и спрошу: «Надеюсь, у тебя там вино для меня?» Буду как Джейсон Борн. «Отдохни, Пэм!» А Робин в это время будет вертеть головой, чтобы определить, где я стою.

Я вытаскиваю телефон и, ткнув в номер Робина в моих контактах, прижимаю мобильник к уху.

И вижу, как Робин вытаскивает из кармана куртки айфон. С минуту смотрит на входящий номер, затем я слышу отбой: вызов сброшен.

Озадаченная и уязвленная, я нажимаю на повтор. Происходит то же самое: проверка номера – и снова отбой. Это происходит так быстро, что даже если бы я не видела сейчас Робина, то поняла бы, что мой звонок сброшен.

Понимая, что веду себя совсем не как крутая, я упрямо делаю третью попытку. Робин уже почти у двери. Если его телефон и звонит, он не реагирует.

Я слышу: *телефон, на который вы звоните, возможно, выключен.*

Что же это такое? Он *выключил телефон*? Я же его девушка, а он обращается со мной, как с какой-то незнакомкой из Манчестера, которая пристает к знаменитостям? Может быть, он за что-то на меня рассердился? Я судорожно вспоминаю, но ничего не приходит в голову. И вообще, несмотря

на его ненависть к критикам стендап-комедии, Робин редко приходит в ярость. Это объясняется либо его характером, либо марихуаной, а может быть, и тем и другим.

Наблюдая, как Робин входит в дом, я пытаюсь решить, должна ли обижаться?

Я предвижу, какой будет отговорка. *Был не в духе, не хотелось портить тебе настроение.* Но ведь я звонила три раза подряд, причем предполагалось, что я на работе. А вдруг это было бы что-то экстренное? Я имею в виду что-то из ряда вон входящее. Робин называет меня паникершей, но вдруг на этот раз действительно что-то случилось?

Я предпочитаю звонить, а не посылать эсэмэски, так как Робин любит повторять, что он выше «множества способов, которыми ему докучают». Может быть, он ждет звонка от какой-то важной персоны? Ему сказали, что с ним свяжется режиссер развлекательных программ Би-би-си, так что не следует занимать линию?

Я определенно хватаюсь за соломинку. Моя мама обычно говорила, что тот, кто подслушивает, не слышит о себе ничего хорошего. Как это верно! Мой воспрянувший было дух теперь валяется у моих ног, растерзанный. Мне открылось, какие чувства иногда питает ко мне мой бойфренд. Это ошутимый удар по чувству собственного достоинства.

Я вспоминаю другие разы, когда звонила, а он не отвечал. Часто ли так бывало? *Мать ее, что ей нужно на этот раз?*

Я зажигаю сигарету и взвешиваю варианты. Если я вер-

нусь домой, то могу столкнуться с Карен, которая торопится на свою смену. Нет, этого нужно избежать любой ценой! Моя душа уходит в пятки при одной мысли об этом. Я знаю, что именно сейчас чувствую. Мой психоаналитик велел называть это чувство, когда оно появляется: одиночество.

Проходит пара минут, а я так и не приблизилась к решению. И тут сигналил мой мобильник. Эстер.

Ты можешь захватить с собой красное, а не белое?
У нас оно кончилось, а я не могу напрягать маму.
Спасибо. (НЕ ПОКУПАЙ какое-нибудь пойло в «кэш-энд-кэрри»! Потрать десятку как минимум.)

Эстер – не идеальная публика, но она дает мне шанс отрепетировать свою историю. Отточить фразы, которые заставят Робина смеяться, когда я буду ему рассказывать. К тому же я все еще киплю от негодования, и адреналин зашкаливает. Я звоню Эстер.

– Привет, Эстер, насчет вина я поняла, но я не могу потратить десять фунтов. Меня только что уволили.

– ЗА ЧТО?

Может быть, это была не самая удачная идея – поделиться с Эстер.

– Посетитель пожаловался, что ему подали ужасную еду. Он оказался ресторанным критиком «Стар». Тони уволил меня при нем, как будто проблемой было обслуживание, а не кухня.

– О господи! Как в том хипстерском заведении на Грин-

Лейн, где подают напитки в банках из-под варенья. Тебе там не заплатили за месяц после скандала с корнишонами.

Вот умеет же меня достать моя семейка, причем так, что этого не заметит никто другой! Любому постороннему покажется, что Эстер мне посочувствовала. А вот я считаю, что немедленно упомянуть мое другое увольнение – это что угодно, только не сочувствие.

– Это были сырны палочки. А вообще-то, дело в том, что менеджер хватал меня за задницу, так что пришлось уволиться.

– Ладно... Потрать десятку на вино, Джордж, я тебе возмещу. – Я бормочу возражения. – Марк – член Общества ценителей вина, и он не собирается пить что-нибудь из «Спар».

На заднем плане мой зять Марк бормочет возражения, а потом произносит что-то с вопросительной интонацией.

– Марк хочет поговорить с тобой, – говорит Эстер.

Слышится шуршание, и трубку берет Марк.

– Привет, Джордж! – здоровается он. – Мне жаль, что так вышло с итальянским рестораном. Может быть, пока еще рано, но, как говорится, куй железо, пока горячо. Я знаком с хозяином паба, которому нужен кто-нибудь, чтобы обслужить вечеринку завтра вечером. Этот паб в городе. Там сменилось руководство. Всего один вечер, но заплатят сразу, наличными. Да и сумма приличная, насколько я помню. Сообщить ему твои координаты?

– Да, спасибо, – отвечаю я. Добрый старина Марк.

– Прекрасно. Я уверен, он скоро с тобой свяжется. Удачи тебе.

Снова шуршание: это Эстер вырывает у него телефон.

– Спасибо, дорогой. Ты не мог бы присмотреть за обедом, пожалуйста? – Пауза, пока удаляется Марк. – Это дело непосредственно касается Марка, потому что он рекомендует тебе, и этот человек – его клиент.

Так, начинается.

– Ну и?

– Пожалуйста, не облажайся там.

– Спасибо! – До чего же обидно! – Ну конечно, я же известная лажовщица.

– Ты же знаешь, что я имею в виду. *Пожалуйста*, на этот раз никаких твоих забавных историй, где все пошло наперекосяк, но не по твоей вине. Никаких инцидентов! Я не хочу ни инцидентов, ни твоих оправданий.

– Большое тебе спасибо!

Эстер действительно так считает. Все они так считают. *О, как не повезло! Кажется, неудачи просто преследуют ее, не так ли? Это уже в который раз? Гм-м.* Это злит меня и вместе с тем беспокоит. Я боюсь, что они правы – и тем яростнее выражаю возмущение.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – повторяет Эстер.

– Хочешь сказать, что я бездарная лгунья? Так и запишем.

– О, Гог, не выкаблучивайся. Единственное, чего я прошу, – чтобы ты имела в виду, что дело касается Марка.

«Гог» – это явное манипулирование. Делает меня и мои возражения мелкими и глупыми.

– Понятно, – сдержанно отвечаю я. – Спасибо, Эстер. О, подошел мой автобус.

Я разъединяюсь, прежде чем она успевает ответить.

Я гашу окурок. Что делать? Слоняться одной вечером – плохая идея. У Робина было достаточно времени. И если он спросит: «Почему не предупредила меня», я же звонила, правда? Это не моя вина.

Порывшись в сумке, я нахожу ключ. Он не был преподнесен мне в коробочке с бантом. На нем брелок «Уэст Хэм», так как он принадлежал Феликсу, брату Робина. Тот явился без приглашения к Робину, когда его отстранили после травмы из «Цирка дю Солей». (Может быть, родители Макни полагали, что воспитывают адвокатов и врачей?)

Робин дал мне ключ после скандала. Я тогда бесконечно звонила в дверной звонок, а он не слышал, так как «Роллинг Стоунз» были включены на полную громкость. В конце концов он открыл дверь и увидел не только свою разгневанную девушку, но и очень сердитого соседа. Сосед сильно страдал от смены часовых поясов, и мои непрерывные попытки достучаться до Робина мешали ему спать. («Разве он не знал, что вы должны прийти?» Робин знал, но мне было стыдно в этом признаться. Особенно человеку, который не спал тридцать два часа.)

– Мне жаль, что вы не смогли получить удовлетворение.

Не всегда можно получить то, что хочешь. Вы хотели покрасить мою красную дверь в черный цвет? – спросил Робин, в конце концов появившись на пороге.

– Вот придурок, – сказал сосед.

Когда Робин дал мне ключ, я спросила, в каких случаях им пользоваться? Робин ответил: «В любое время, когда тебе захочется открыть дверь. Ведь для этого они и предназначены, не так ли?»

Итак, он сам это сказал.

5

Постучав в дверь и не получив ответа, я с громким щелчком поворачиваю ключ в замке. Дверь открывается, и передо мной открывается вид на гламурную холостяцкую берлогу. Как всегда, оглушительно гремит музыка. (Робин уже заводил ее на этой неделе: «Это новая Сент-Винсент, совсем недурно. И не столь важно, но у нее задница, как два шоколадных яйца, обтянутых атласной перчаткой».)

Робина нигде не видно. Я зову:

– Робин? Робин...

Никакого ответа. Наверное, стерео меня заглушает. Сейчас он, несомненно, выкладывает на кухне вафли и бургеры.

Прохожу дальше, но Робина все не видно. Правда, я замечаю на диване брошенный синий пакет. Его содержимое

лется на подушки – это мороженое. «Вермонстер»²⁴. Надо бы положить его в морозилку, но сначала все же лучше по-здороваться.

Я прохожу на кухню, но там тоже никого нет.

Тогда я вытягиваю шею, чтобы взглянуть на кровать на антресолях. Я уже собираюсь снова позвать: «Робин», но слышу какие-то странные звуки. Они явно не имеют отношения к звуковой дорожке стерео.

Оох ууф

Аааах-ооо

Нет... нет... о господи, да

Я застываю. Меня бросает в жар и одновременно в холод. *Действительно ли я это слышала? Возможно ли это? Происходит ли это на самом деле?* Нет, этого не может быть. Такое случается с другими людьми, но не со мной. Это забавное недоразумение, и все закончится сценкой, которую сейчас разыграет Робин: как *его девушка зашла к нему, когда он занимался йогой*.

Сент-Винсент снова слегка затихает, и на этот раз я слышу:

Ооо АХ

Тебе ведь это нравится, да, скажи, что тебе нравится.

Эта фраза мне знакома. Пошатнувшись, я чувствую позыв к рвоте. Я стою неподвижно, а ритмичная качка на заднем плане продолжается. Теперь уже нет никаких сомнений на-

²⁴ Марка мороженого компании «Бен энд Джерри».

счет того, что именно происходит на кровати.

Я не могу смотреть, но не могу и не смотреть. Сосредоточившись на том, чтобы унять дрожь в руках, я на цыпочках иду к металлической лестнице и поднимаюсь на антресоли. Я осторожно ступаю, так как на мне сапожки на каблуках. Мне и в лучшие времена не нравилась эта лестница, когда приходилось спускаться ночью под хмельком в туалет. Как в «Хрустальном лабиринте»²⁵.

Моя голова показывается над антресолями, потные руки вцепились в алюминиевые перила.

Я вижу, как на большой низкой кровати голый зад Робина поднимается и опускается, словно поршень. Пара тощих белых женских ног обхватила его с двух сторон. Не может быть! Это отвратительно. Господи, неужели мы вот так выглядим, когда занимаемся этим?

До чего же это странно: видеть так близко двух людей, занимающихся сексом, видеть в реальной жизни. Ты же сама этим занималась, ты достаточно насмотрелась на эротические сцены на экране. Да, но быть зрителем, когда половой акт совершается в квартире? Совершенный сюр. Я все еще не совсем верю своим глазам.

И не могу не сравнивать. Это происходит гораздо более шумно и неистово, чем у нас. Происходило.

*Сделай это Робин сделай это я люблю тебя ааааааххх
Лу. Говори. Непристойности.*

²⁵ Британское игровое телешоу.

Эти слова разделяет «пунктуация» – новый толчок. И вдруг, еще не приняв решения объявить о своем присутствии, я рывкаю:

– КАКОГО ХРЕНА?!

Оба тела дергаются – это шок от того, что я присоединилась к разговору. Робин пытается слезть с женщины и одновременно обернуться – и в результате падает с кровати.

Женщина извивается, стараясь сесть, и я вижу: а) ее запястья привязаны к столбикам кровати шарфами, причем один из них – полосатый футбольный шарф, который я недавно стирала для Робина; б) у нее маленькие груди и татуировка в виде цветка под ними и в) она покрыта какой-то бледной комковатой субстанцией, которая в первую секунду вызывает у меня испуг. Но затем я понимаю, что это мороженое «Вермонстер».

Женщина смотрит на меня сквозь облако растрепанных каштановых волос, а я гляжу на нее. И вдруг я понимаю, что знаю, кто это: она личный помощник Робина, Лу.

Робин стоит обнаженный, волосы словно парик. Эрекция уменьшилась, словно член поник из уважения к визиту королевы. Робин бледный, цвета пломбира.

– О господи, Джорджина, какого черта ты тут делаешь?

– Меня уволили с работы. А ты что делаешь?

– Что... ну... как ты вошла?!

Похоже, Робин злится на Рок, а не на себя.

– Ты дал мне ключ.

— О, мать твою так... — До Робина доходит истина: творец всех своих несчастий — он сам. Он лопочет: — А ты не думаешь, что тебе следовало сначала постучать?

Меня поражает, что он может качать права в такую минуту.

И тут гнев одерживает верх над шоком, и ко мне возвращается самообладание.

Я подчеркнуто, чтобы он это видел, сверлю взглядом Лу. Ей явно хочется, чтобы ее отвязали: побагровев, она извивается в своих оковах. Затем я снова перевожу взгляд на Робина и наконец смотрю на его поникший член. Мой взгляд поистине испепеляющий.

— Я стучала. Меня было не слышно из-за музыки. Ты жалкий предатель, кусок дерьма.

Быстро спустившись по лестнице, я спрыгиваю с последних ступенек, приземляясь на коленки. Робин гонится за мной, так что у него нет времени одеться. Таким образом, когда я добираюсь до входной двери, передо мной снова предстает совершенно голый мужчина.

Я еще больше ненавижу его за это. Он такой бесстыжий, вовсе и не думает прикрыться. Даже сейчас Робин до некоторой степени актерствует. *Посмотри, как я уязвим. Посмотри, как я бесхитростен.* Я бы предпочла, чтобы его не знающая условностей бесхитростность была скрыта полотенцем.

— Джордж, Джордж, подожди! Мне жаль, — говорит он.

— Мне тоже. Не каждый разрыв сопровождается счетом от

врача. Я плохо себя чувствую.

– Разрыв?..

Повернувшись, я смотрю ему в глаза.

– Ты серьезно считаешь, что я останусь с тобой?

– Нет – конечно, не сегодня вечером.

Я в изумлении моргаю:

– Ты что, действительно сошел с ума? Это клинический случай? Все кончено, Робин, мы расстаемся. Неужели ты думаешь, что мы могли бы продолжить отношения после этого?

Робин делает паузу, затем говорит:

– Отношения? Мне... мне кажется, мы не были в отношениях?

Я так поражена, что требуется целая минута, чтобы сформулировать ответ.

Мне с трудом удастся выдать:

– ... *Что?*

– Я полагал, что мы «встречаемся». – Робин изображает в воздухе кавычки. – Не думал, что у нас эксклюзив... что запрещается встречаться с другими людьми. Вся эта сцена не в моем... стиле.

Я вспыхиваю. Одно дело – сотворить со мной такое, и другое – взваливать на меня *вину*. Притворяться, будто это результат моих неразумных ожиданий.

– Мать твою, ты серьезно?! Ты хочешь вывернуться, притворившись, что наши отношения не *существовали*? Так

врут дети. А дальше ты, как ребенок, закроешь лицо руками, считая, что я тебя не вижу?

Робин нарочито громко вздыхает, недоверчиво трясет головой, приглаживает волосы, обдумывая, что сказать дальше. Этот прием он использует на сцене. Господи, какое бесстыдство – выставлять на всеобщее обозрение член и яйца!

– Я никогда не видел тебя такой прежде, – бормочет он.

У меня снова отваливается челюсть.

– Может быть, мне уточнить, чего я никогда не видела прежде? *Ты в своем уме?*

Он подбоченивается: Мистер Разумный. Нет, сейчас он уже Мистер Оскорбленный.

– Разве я сказал или сделал что-то такое, что заставило тебя думать, будто я верю в моногамию? Совершенно уверен, я сказал, что не верю.

Я что-то невнятно бормочу. Он словно вор, которого поймали, когда он сунул руку в кассу, а он защищается, утверждая, что все не так, как кажется, и воровства не существует, потому что мы живем с ложными представлениями, созданными ЦРУ. Черт побери, я прихожу в *ярость*.

– Значит, вот какое у тебя оправдание? Ты думал, что мы оба свободны и можем заниматься сексом с другими?

– Ну да, Джорджина. Условия нашей связи никогда не обсуждались. Откуда же мне было знать, что ты думаешь иначе?

– *Тогда зачем прятаться от меня, выключать свой те-*

лефон и делать это у меня за спиной?

– Но не тыкать же тебе это в лицо? Это плохие манеры, да? Ты бы вряд ли стерпела репортаж о том, когда и с кем.

– О, МАТЬ ТВОЮ! КАКОЙ ТЫ ЗАБОТЛИВЫЙ!

Мне нужно уйти отсюда, из этой токсичной атмосферы, и самой во всем разобраться.

Я открываю дверь на лестничную площадку и вижу пару лет тридцати и родителей лет шестидесяти. Их внимание уже привлекла какофония в квартире Робина.

Верный своей натуре, которой чужда застенчивость, мой бывший бойфренд стоит перед ними во всей красе и смотрит на них.

Папа говорит:

– Извините! Вы не возражаете против того, чтобы прикрыть ваши интимные детали? Здесь присутствуют дамы.

– Я на своей личной территории. Это моя квартира. И таким образом получается, что вы проявляете чрезмерное любопытство.

– А вы чрезмерно наглы, – отвечает сын (он же Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов). Внезапно он становится моим новым героем.

– В самом деле, нет никакой необходимости выставлять ваше хозяйство на всеобщее обозрение, – замечает отец Мужчины-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

– Мое хозяйство! Не стоит быть таким чопорным в отношении человеческой анатомии, приятель, – отвечает Ро-

бин. – Она прекрасна.

– Заверяю вас, это не так, если смотреть отсюда, – возражает Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

– Передай мой привет Лу, – обращаюсь я к Робину, выходя на площадку, и услужливо поясняю ошеломленной группе: – Это женщина, с которой я только что его застала. Они занимались сексом.

– О, он наконец-то сделал для вас дубликат ключа? – освещается Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

– Да, но, как выяснилось, у нас никогда не было отношений. – Я развожу руками – дескать, вот такая я дура.

– И в моем баке никогда не было его мусора, – говорит Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов. – Он полон дерьма. Совсем как мой бак.

Я с энтузиазмом жму руку Мужчины-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

– Приятно было познакомиться.

6

– Это придется сказать мне? Ах, вы парочка... – Клем качает головой, с укоризной глядя на Рэва и Джо. Они безмолвствуют, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Рэв тербит свою темно-синюю манжету, потертую согласно моде. У Джо выражение лица, как у печального мультяшного животного с фермы.

– Что? – спрашиваю я.

Я знаю, они считают, будто я делаю хорошую мину при плохой игре. Однако, как ни странно, я спокойна. Красное вино «Шираз» помогает. Я нашла надежную гавань в бурном море. Это алая кожаная кабинка в пабе под названием «Лескар», вблизи «Бара охотников».

Оказывается, можно пригласить своих друзей выпить в уик-энд без предварительного предупреждения. В том случае, если двое из них вышли из кино, мучимые жаждой, а третья проводит вечер дома, сидя на диете (правда, она все равно уже слопала целый чесночный батон с сыром из «Маркс энд Спенсер»). И если к тому же ты возбуждаешь их аппетит потрясающей историей о коварной измене.

Я не смела надеяться, что этот невероятный вечер пятницы закончится в любимом месте, с моими лучшими друзьями. Однако это так, и я безмолвно возношу благодарственную молитву над свиными ребрышками.

Итак, я снова одна, у меня нет ни работы, ни денег, я живу в съемной квартире рядом с фермой личинок, с худшей соседкой в районе. Зато у меня есть друзья и красное вино.

– Ну же, Рэв, давай! – говорит Клем, и Рэв, кашлянув в кулак, сердито смотрит на нее.

– *Что?*

– О'кей, если никто из вас не собирается ей сказать, это сделаю я. Джорджина...

– О господи, вы ЗНАЛИ, что он встречается с другими

женщинами?! – восклицаю я. Эта мысль – словно нож в спину, но не потому, что Робин это афишировал. Ведь если они держали это в тайне от меня, то этот грязный эпизод значит гораздо больше, чем того заслуживает.

– Нет, конечно, мы не знали, дуреха! – возражает Клем. – Почему бы нам тогда было не сказать тебе?

– О, не знаю, – бормочу я.

– Джорджина! – Клем со зловещим видом втягивает воздух. – Мы все считали, что Робин – мерзкий ублюдок.

– О? – говорю я. – Он вам не нравился?

Рэв снова кашлянул, а Джо уставилась в свой стакан с сидром.

– «Не нравился» – это слабо сказано. Мы его терпеть не могли.

– Клем! – вмешивается в разговор Рэв. – Черт возьми, она только что застукала его в постели с другой.

– Ну я же говорю – ублюдок!

После нескольких минут напряженного молчания я начинаю хохотать. Друзья растерянно смотрят на меня, потом тоже начинают смеяться.

– Я думала, ты зальешься слезами и стукнешь меня, – говорит Клем.

– Мне хочется стукнуть себя, – отвечаю я.

Джо кладет ладонь на мою руку.

– Но это, конечно, ужасно для тебя. Мне жаль, что так случилось.

Я глажу ее руку.

– Скатертью дорога.

– Он действительно утверждает, что у вас свободные отношения? – спрашивает Клем, и ее безупречные ярко-красные губы кривятся от отвращения. Она одевается, как член «Палп»²⁶, даже еще лучше. С головы до ног в винтаже, крашенные рыжие волосы коротко подстрижены. Клем очень острая и резкая – и внешне, и по характеру.

– Он сказал, что считает, будто вы свободно можете спать с другими. Тогда напрашивается вопрос: почему же он никогда об этом не упоминал?

– Он не только ведет себя как последний засранец, но и как газлайтер.

– Что это значит?

– Внушает тебе, что ты полоумная и что это твоя проблема.

– Мы действительно никогда не говорили на тему «Каковы правила насчет того, чтобы спать с другими». Он говорил, что не верит в моногамию, но знаете... Я как-то не думала, что это напрямую относится к нам. Он же познакомился с моими друзьями, с моей семьей.

– Это и означает газлайтинг. – Клем пьет джин с тоником через соломинку, затем делает гримасу. – Он называл тебя «Официантка». И ни разу не упустил шанс дать понять, что он лучше тебя.

²⁶ «Палп» – британская рок-группа из Шеффилда, основанная в 1978 году.

– Я думала, он... ну не знаю... легкомысленный.

Клем закатывает глаза, а Рэв и Джо все еще избегают моего взгляда. И я понимаю, что это досталось мне в наследство от Робина: ощущение неловкости оттого, что я терпела и логически объясняла его гнусное поведение. Оказывается, это все замечали. А еще я буду вечно ненавидеть «Бен энд Джерри».

– А ты знаешь эту женщину? – спрашивает Клем.

– Это Лу – его личная помощница. У них была когда-то интрижка, но я полагала, что она давно закончилась к тому времени, как появилась я.

Робин сказал, что когда-то они с Лу переспали, и я решила, что это было давно.

Я была ошеломлена, когда он это упомянул, так как провела весь вечер в ее обществе, полагая, что у них дружеские, деловые отношения. Мне не пришло в голову, что между ними что-то было. Вообще-то, Лу внешне – моя полная противоположность. У нее длинные каштановые кудрявые волосы, нос пуговкой, тощие ноги в колготках с узором и серебряные туфли с двойной подошвой. Я сразу прониклась к ней симпатией.

Мне всегда приходится внутренне перестраиваться, когда я обнаруживаю, что кто-то уже побывал там, где теперь нахожусь я.

– Она не парилась, реально не парилась, – сказал Робин. И я перевела это следующим образом: не было никаких про-

блем, когда я ясно дал понять, что это ничего не значит.

Робин сделал паузу.

– Это же не имеет для тебя значения, не так ли? В смысле, кто с кем был?

Нет, для меня это имеет значение, как почти для всех. Вот почему так много популярных песен об этом.

– Нет. Просто я удивлена, вот и все. Не представляю вас вместе.

– Не знаю, можно ли это назвать «вместе». Мы кончили тем, что принимали душ в «Ибис», в Лутоне²⁷, после битвы едой. Таким образом, это казалось следующим очевидным шагом. Ведь в Лутоне не так уж много других развлечений.

Я морщусь. В эту минуту я определенно не была крутой девочкой, которой хочется услышать детали. И мне не нравилось, как Робин изображает меня ограниченной и слишком добропорядочной. Даже тогда я понимала, что он получает удовольствие, поздравляя себя с тем, что он эротический пират по сравнению со старомодной Джорджиной.

Поэтому когда он добавил:

– Тебе бы хотелось, чтобы я в будущем тебе не говорил?

Я поспешно ответила:

– Нет, – и сменила тему.

Почему я не спросила, стал бы он возражать, если бы мы поменялись ролями? Потому что либо Робин стал бы лицемерить, либо он начисто лишен ревности. Это хорошо для

²⁷ «Ибис» – отель, который находится рядом с аэропортом Лутона.

него, но не очень-то приятно для меня.

Почему я не сказала Робину, что его свободная любовь – это не для меня? Я боялась, что покажусь старомодной невестой из «Билли-лжеца»²⁸ – женщиной, застрявшей в прошлом.

А еще я боялась, что мои надежды никогда не сбудутся. Но я узнала, что лучше иметь нереальные надежды, чем не иметь никаких.

Мы выпили еще по паре стаканчиков, и мои друзья заметили, что я не возражаю против того, чтобы они критиковали Робина. Поэтому сейчас он в маринованном виде дымится над ямой с углями. К концу вечера от него останутся только дымящиеся головешки.

Я чувствую благодарность, смешанную со стыдом, оттого что не чувствую ни грусти, ни желания защищать Робина. Я должна бы чувствовать себя так, будто у меня вырвали сердце и плюнули в душу. А я только сбита с толку, унижена и пуста. Пустота была еще до Робина, и он отвлек меня от нее.

– Стендап-комики часто бывают ужасными людьми, – говорит Рэв. – Только подумай, кем нужно быть, чтобы стоять одному на сцене и говорить смешные вещи, рискуя, что никто не засмеется. Клише печального клоуна. Я бы предпочел провести время в «Орлином гнезде» Гитлера, нежели стоять

²⁸ «Билли-лжец» – английский фильм 1963 года, поставленный режиссером Джоном Шлезингером.

там за кулисами.

— Ты мог бы мне это сказать до того, как я начала встречаться с одним из них, — замечаю я.

— Я собирался, но ты исчезла с ним в ночи, прежде чем я успел дать тебе профессиональный совет. А после я понял, что советы нежелательны.

На самом деле это Рэв виноват в том, что я познакомилась с Робинот. Рэв достал нам билеты на вечер открытого микрофона. Робин выступал последним и был гораздо лучше остальных. Он представил отрывок из своего шоу «Я не смешной, но». Поскольку он читал истории, то выгодно отличался от тех, кто брал микрофон и выдавал короткие фразочки, которые через некоторое время надоели.

После этого мы очутились в ночном баре отеля вместе с Робинот и двумя другими выступавшими — полной женщиной с бирюзовыми волосами, в прикиде пилота-истребителя, и унылого мужчины из Солихалл, в мягкой шляпе с плоской круглой тульей. Наконец-то я почувствовала себя частью творческой богемы Шеффилда.

Робин высокий, с копной вьющихся волос и маленькими пронизательными синими глазами. На нем была красная рубашка из шотландки. Когда он расхаживал по сцене, то тербил волосы и излучал нервную энергию. Сейчас от него еще пахло потом после выступления.

Я почувствовала, что взволнована знакомством с Робинот. Он был не похож на обычных мужчин, которых я зна-

ла. Разъезжал по разным городам. Знал толк в своем деле. Я решила выждать тот момент, когда удастся привлечь его внимание.

Держа перед собой мобильник, Робин читал вслух рецензию своему агенту. Два дня назад они начали турне в Лондоне, и, очевидно, только что был вынесен вердикт.

– *У Макни острый слух на лингвистические нелепости, которые заражают нашу повседневную жизнь. Он изображает неприязнь к своим знаменитым конкурентам, в манере Стюарта Ли²⁹, и даже к своей публике. Однако он постепенно соскальзывает с многозначительной самопародии к самолюбованию... и действительно становится тем самым хвастуном, которого пытается пародировать. Его это – пьяный водитель, но если его лучшие инстинкты будут контролировать руль автомобиля, он сможет стать чем-то потрясающим.* Скажи-ка, это похвала или нет?

Пауза.

– Да, я знаю. Я спрашиваю: как тебе кажется?

Пауза.

– Совсем неплохо. Я хочу вырезать эту рецензию и наклеить в альбом.

Пауза.

– Нет, я знаю, что «Чортл» – это веб-сайт и что не может быть экземпляра на бумаге. Ты что, не понимаешь юмор?

Робин разъединяется. Вся компания безмолвствует. Я

²⁹ Стюарт Ли (род. в 1968 г.) – британский комик, писатель и рок-музыкант.

не нервничала, главным образом благодаря двум стаканам крепкого напитка, у которого был вкус испорченного варенья. В стакане была вишенка на палочке.

– Рецензия со словами «превосходный», «потрясающий и «острый слух» – что может быть лучше? – говорю я.

Робин перевел взгляд на меня.

– А как насчет того, что мое эго – надрвавшийся водитель?

Я пожимаю плечами:

– Ну а как же без эго? Не может быть, чтобы у Ричарда Прайора или... Ленни Брюса не было эго³⁰. И еще без демонов. Эго и демоны. Они так же необходимы для искусства, как яйца и бекон – для завтрака.

Робин пристально смотрит на меня.

– *Ву!* А вы кто?

Я представилась, было заказано шампанское, и вечер продолжился.

– Вы писательница? – спросил Робин, положив руку на бархатную банкетку и таким образом как бы обняв меня.

– Ха! Нет. Кто вам это сказал?

– Ваш совет прозвучал так, словно один писатель говорит с другим...

Я расплылась в улыбке. Это один из самых лучших комплиментов, которые я когда-либо слышала.

– Правда, у вас для этого слишком здоровый вид. Судя

³⁰ Ричард Прайор (1940–2005) – американский комик, актер, сценарист. Ленни Брюс (1925–1966) – американский стендап-комик, популярный в 1950–1960 гг.

по вашему лицу, вы не живете на кофе и сигаретах. И даже выходите из дома и дышите свежим воздухом.

Я понимала, что надо мной слегка подтрунивают. Однако уровень алкоголя в крови и песня Принса гармонично сочетались, и я была счастлива, что мне льстят.

– Я официантка.

– О! Это прелестно. (Да, вот он, тот самый тон. Клем права.)

Я чуть не сказала: «Мне бы хотелось стать писательницей», но знала, что дальше спросят, что я написала. А ответить нечего: есть только дневник, которым я когда-то гордилась. Поэтому я промолчала.

– У меня есть вопрос, важный для моей работы. Каково это – быть красивой?

Из-за его плеча я вижу, как Рэв изображает пантомиму: приставляет воображаемый револьвер к виску и спускает курок.

Может быть, в других обстоятельствах я бы не купилась, но Робин казался занятым и удивительным. К тому же приятно услышать такое о себе.

– Я некрасива.

Не поддавшись порыву поправить прическу, я все же втянула живот.

– Определенно красивы.

– Ну что же, благодарю вас.

– Так каково это – быть красивой, а считать, что некраси-

ва?

Я засмеялась:

– Э-э. Ну, если вы настаиваете.

– Не разочаровывайте меня. Я думал, это все равно что быть героиней Диснея, которая может заставить кастрюли и сковородки мыться самим, а метлу – танцевать.

Через несколько минут Рэв наклонился ко мне и прошептал:

– Держу пари, что ты можешь заставить его метлу танцевать – если понимаешь, о чем я.

Я рассмеялась и вдруг осознала, что впервые за сто лет заинтересовалась кем-то.

В тот вечер я сделала то, чего никогда не делаю. Когда Робин снова появился и, усевшись рядом со мной, наполнил мой стакан, я подумала: «Я тебя заполучу. Я затащу тебя домой».

После признаний, сделанных шепотом (*ты мне нравишься / ты мне тоже нравишься*), и после поцелуя на стоянке такси дело кончилось весьма посредственным сексом в номере отеля: Робин был не в состоянии добраться до своей квартиры. Мое грандиозное приключение с сексом в первую же ночь закончилось тем, что я повалилась на мертвецки пьяного комика, который все время стонал: «Говори мне непристойности, Джорджина-официантка, говори непристойности! Будь непристойной и скверной!»

Скверной?

Я заорала:

– Трахни меня, ты, кудрявый хвостун!

Рэв все еще размышляет над недостатками Робина.

– Ты знаешь, я провел недостаточно времени около Робина, чтобы диагностировать Темную триаду³¹. Но я бы не удивился.

– Это звучит как название хип-хоп группы.

– Нарциссизм, манипулирование, неспособность к состраданию, – перечисляет Рэв, загибая пальцы. – Это люди, которые могут проглотить тебя и выплюнуть, ни на секунду не почувствовав себя виноватыми.

Рэв – психоаналитик. Вы бы никогда это не заподозрили, глядя на этого тощего азиатского парня с челкой и пристрастием к павлиньим расцветкам в одежде. Он хладнокровно аналитичен и несентиментален. Вероятно, это идеально – иметь рядом подобную личность, когда у тебя связь с таким искрящим набором расстройств, как Робин. Хотя я сейчас под алкогольными парами, мне приходит мысль: а не превратили ли мы эту заурядную эгоистичную задницу в шекспировского злодея?

Джо задумчиво произносит:

– Я думала, Робин очень идио... идио...

– Идиотский? – подсказывает Клем.

³¹ Темная триада – группа черт личности: нарциссизм, макиавеллизм и психопатия.

– Нет... ну, это как иди...

– Иде Амин?³²– говорит Рэв.

– Нет. Так называют индивидуальное, которое не индивидуально!

– Идиосинкразический? – предполагаю я.

– Да! Мне в самом деле не нравилось, что он так груб с тобой.

Я хмурюсь.

– Честное слово, я считала, что он добродушно подтрунивает.

Вообще-то, я ценю свою способность понимать шутки, и мне жаль, что мои друзья переживали за меня.

Клем поджигает губы.

– А когда ты высказывала свое мнение о чем-нибудь, Робин был тут как тут со своим: «может быть, люди, которые с тобой не согласны, имеют свою точку зрения» или «может быть, ты слишком обидчива». Я сразу же это заметила, так как тот псих, мой бывший, обычно проделывал такое со мной. Постоянное подкусывание. Они хотят, чтобы ты была неуверена в себе.

А ведь она права! Сначала меня смущало, что Робин старается искоренить мои предрассудки, но потом я решила, что ни к чему быть обидчивой принцессой. *Вау, я выбрала такого умника, поздравляла я себя. Вот сейчас он все скажет как надо.* И мне никогда не приходило в голову: а по-

³² Иде Амин (1925–2003) – военный и государственный деятель Уганды.

чему этот парень никогда не бывает на моей стороне?

Я все спускала Робину, потому что считала, что он «Другой» – посланник из более умного, изысканного и либерального мира, нежели мир Джорджины-официантки. И если мне что-то не нравится, то это оттого, что я еще не прониклась новейшими течениями, что я не художник с артистическим темпераментом. Теперь-то мне ясно, что, как и в нашем разговоре о Лу, он всегда тонко внушал мне мысль, что я отстаю на пару шагов.

– Он шикарный мальчик при деньгах, но его представление о том, как развлечь тебя – это чтобы ты мчалась в квартиру, которую ему купили родители, и слушала, как он порет чушь, – говорит Клем. – Он хоть раз куда-нибудь тебя сводил?

Нет. И опять-таки я считала, что это признак того, как он блистательно нематериалистичен. Робин не ограничен в средствах, но ему не нужны дорожные обеды, он не хочет пускать мне пыль в глаза, ослепляя своим богатством. Он хочет беседовать о важных вещах. (О себе и своей работе.)

Я хлещу вино и делаю вывод, что стремление найти позитив (того сорта, который внушается девушкам: будь благодарна, улыбайся!) не всегда правильно. Иногда следует спросить себя: с какой стати?

И я вспоминаю другие сигналы, которые успешно блокировала. В первый раз я представила Робина своей банде на тридцатилетии Клем. Я тогда думала, что Клем провела весь

вечер на другом конце комнаты в связи с обязанностями хозяйки, что Рэв просто надрался до потери пульса, налегая на «Тьму и бурю»³³, а Джо такая тихая из-за месячных. А между тем заскучавший Робин сказал, что «неважно себя чувствует в толпе».

Я делаю гримасу своему стакану:

– Надеюсь, вы не думаете, что я встречалась с этим ублюдком, потому что он пару раз мелькнул на телеэкране?

– О нет! – отвечает Рэв. – Мы думаем, ты встречалась с этим ублюдком, потому что считала его чем-то необыкновенным.

Джо добавляет:

– Вообще-то, и мы все не лучше.

Я не собиралась указывать на то, что обычно это не я при-
таскиваю птенца кукушки в гнездо. Хотя мои немногочисленные бойфренды той поры, когда мне было двадцать с чем-то, не отличались блеском и не подходили мне, они были милыми парнями.

А вот калейдоскоп знакомств Рэва в интернете трудно отличить от его списка пациентов. «Только я не могу брать с них плату за мое время». Джо надолго запала на харизматичного типа, живущего по соседству, Фила Потаскуна. А Клем считает, что романтическая любовь – это концепция, предназначенная для того, чтобы подчинить и поработить

³³ «Тьма и буря» – крепкий коктейль на основе темного рома с добавлением имбирного пива.

человечество. Она редко встречается с кем-нибудь достаточно долго, чтобы мы успели с ним познакомиться.

Рэв идет вместе с Клем к бару, чтобы помочь ей принести выпивку – за третью порцию платит она. А Джо, бросив на меня взгляд из-под блестящей каштановой челки – сейчас она красится на две трети в цвет капучино и на треть – пенки капучино (она парикмахер), – говорит:

– Ты очень хорошо справляешься. Надеюсь, мы не слишком тебя достали.

– О, спасибо, вовсе нет. Вообще-то, я в ужасе от себя. Интересно, если бы я не застукала его, то как долго убеждала бы себя, что мы хорошая пара? А ведь мы никогда не были парой.

Возбуждение от вечера с друзьями и адреналин от разоблачения Робина идут на спад, и я ощущаю опустошенность.

– Нет, вы были парой.

– Не были, Джо. Я запала на парня, кого считала крутым. – Я тру виски и с трудом подавляю желанию упасть головой на стол. – Влюблюсь ли я теперь в кого-нибудь по-настоящему? Нужно выбрать наименее плохой из худших вариантов – и хрен с ним.

От избытка красного вина я вступила в стадию слезливой сентиментальности.

– Ты найдешь кого-нибудь! Ты могла выбирать, в самом деле могла.

Я колеблюсь, разглядывая свою подставку для пивной

кружки. В конце концов, можно поделиться с тем, с кем дружишь двадцать лет и кто знает тебя как облупленную.

– Не уверена, существует ли такой, кого я хотела бы выбрать. Никогда ни в кого не влюблялась... – Я продолжаю, не в силах встретиться с Джо взглядом: – Ну, может быть, один раз. Когда была юной и глупой. Но оказывается, это ничего не значило.

– Ричард Харди? – шепчет Джо.

О господи! До чего же опасно, когда кто-то так давно тебя знает!

Как только я завела этот разговор, я поняла, что не хочу его продолжать. Ни сейчас, ни когда бы то ни было. От произнесенного имени у меня сжалось все внутри, и я бормочу какие-то бессвязные междометия.

– Я иногда вижу его фотографии. Он сейчас живет в Торонто?

– Гм-м. Да, думаю, он переехал в Канаду, – отвечаю я. Жаль, что мой стакан пуст, а то было бы чем занять себя.

Джо гладит меня по руке. Я вижу, что она собирается что-то сказать. Как же ее остановить?

– Я не знала, что ты... – начинает она, но я перебиваю:

– А куда подевался Рэв? Он давит ногами виноград для этого вина?

Джо озирается, явно чувствуя, что-то неладное. Но это настолько мимолетно, что она не успевает задуматься, в чем дело.

Первые минуты отходняка – самые тяжелые. Это все равно что очнуться в чистом поле после того, как тебя выбросило из автомобиля при аварии. Только ты сама и есть эта авария.

В моей голове прокручивается конец вечера: мы лизали соль, кусали лимоны, пили текилу, у которой был вкус, как у жидкости для снятия лака с ногтей, смеялись в такси, как гиены. Брр! Вряд ли такое времяпрепровождение можно назвать приятным. А на следующее утро в голове гулко звонит колокол.

Реальность восстанавливается в виде серии вспышек: привязанная к кровати Лу с обнаженной грудью, Робин, демонстрирующий свой член перед соседями. Это походит на очень странный сон, и на секунду мне кажется, что это и был сон. Но потом мой взгляд падает на обтрепанную афишу «Я не смешной, но», которая валяется на полу. На лбу Робина написано помадой: «МЕШОК С ДЕРЬМОМ».

О боже, сильно ли я шумела? Карен взбесится. Она работает на фабрике, где делают печенье, – неделю в ночную смену, неделю в дневную. Я постоянно забываю, в какую смену она трудится сегодня. Когда я въехала в квартиру, то сказала:

– Мы действительно едим так много печенья, что его нужно выпекать ночью?

На что она ответила:

– Это шутка или вы действительно настолько глупы?

И это задало тон нашему совместному проживанию.

Я высовываю язык из пересохшего рта, подобно ящерице, и пытаюсь потянуться. Нужно выпить колы, принять две таблетки лимонного нурофена и соснуть еще пару часов.

Который час? Я беру телефон, чтобы проверить время, и вижу сообщение с незнакомого номера. Приподнявшись на локте, смотрю на себя в зеркало. Когда спишь в пьяном виде, волосы на макушке почему-то всегда встают дыбом.

Привет, Джорджина, это Девлин. Марк дал мне ваш номер и сказал, что вы можете нам помочь на поминках. Вы можете прийти сюда часам к трем? Дайте мне знать, если это вам подходит. Мы в полном отчаянии!

О-ох... У меня же халтура у клиента Марка! И Эстер строго меня предупредила, чтобы я не облажалась! Нужно отказать, нужно отказать НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ. Нельзя злить сестру, не говоря уже о деньгах: во втором сообщении указана кругленькая сумма наличными (плюс «чаевые, если вам удастся их заработать»). Это позволило бы мне продержаться, по крайней мере, до следующего месяца.

Сейчас половина двенадцатого. Меня вызывают к трем. Не мешало бы вздремнуть еще часок, но лучше этого не делать: если я просплю, будет катастрофа.

Я наскоро принимаю горячий душ и очень долго занимаюсь макияжем, который призван замаскировать мое при-

скорбное состояние. Конечно, это временная мера – стоит только посмотреть на розовые белки глаз и серую кожу. Глядя в запотевшее зеркало, ты убеждаешь себя, что совершила волшебное воскрешение Лазаря, наложив на лицо тонны косметики. Но по мере того, как проходит день, смотришь на свое изможденное отражение и видишь Бэби Джейн³⁴.

Пока что я и думать не могу о твердой пище. Я осушаю чашку крепкого черного кофе, очень сладкого, а черепаха Джемми смотрит на меня пристальным взглядом, который говорит: «Мы снова надрались, как сапожник, не так ли? Ай-ай-ай!»

О боже! Карен оставила на кухонном столе одну из своих любовных записок.

Джорджина!

Кажется, у нас появился прокладочный ГОБЛИН. Это мифическое существо, которое крадется по дому и ворует прокладки. У меня была коробка «Супер плюс», в которой оставалось примерно три, а сейчас нет ни одной. Пришлось воспользоваться твоими «Лил-Летс». Если бы я хотела «Лил-Летс», то и покупала бы «Лил-Летс». К тому же у меня сильно льет, а они плохо впитывают. Пожалуйста, возмести.

Карен

P.S. Добавляю это в 6 часов утра, отправляясь на работу. После того как в 2 часа утра ты грохотала в

³⁴ Американский фильм «Что случилось с Бэби Джейн?»

своей спальне (я полагаю, одна?) в течение ЧАСА, ты завела музыку. Думаешь, если ты слушаешь песни своей Тейлор Свифт в наушниках, то я не услышу, как ты ПОДПЕВАЕШЬ? ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ХАМСТВО.

Поскольку я не помню, как попала домой, придетсякупить в качестве извинения «Каву»³⁵, а еще «Тампакс».

Я совершенно уверена, что не пользовалась ее прокладками. У Карен дырявая память, и она получает удовольствие, изводя кого-то. Это просто одна из многих причин, по которым соседство с ней – не подарок.

А еще у нее нет чувства юмора. Поэтому рисовать домашнего эльфа Добби и подписывать его как «Блобби» совершенно бесполезно.

Судя по голосу, клиент Марка крепкий и дружелюбный, но грубоватый мужчина. Его зовут Девлин, и у него ирландский акцент. Он разговаривает по телефону в типично мужской манере: так дают указания, наклонившись к окошку автомобиля. Информация, которую выдают стаккато на большой громкости.

Он звонит сразу же после того, как я отправляю ему сообщение, что три часа дня меня вполне устраивает. Он хочет объяснить: а) это поминки – поминки его друга; б) причина, по которой ему срочно нужен бармен, заключается в том, что «Уикер» на Эклсолл-роуд еще не открыт после ремонта. Я

³⁵ «Кава» – испанское игристое вино.

не возражаю против того, чтобы работать в одиночку почти весь вечер? Я просто потрясающая! О'кей, тогда до трех. И он дает отбой.

«Уикер». Гм-м. Надеюсь, у них водятся деньги, так как на ремонт этого паба нужны немалые средства.

«Уикер» всегда выглядел привлекательно снаружи: викторианский фасад облицован зеленой лакированной плиткой, гигантская дверь выкрашена глянцевой черной краской. Если вы не знаете город, то вас легко одурачить: вы решите, что там подают крафтовое пиво, и разные сорта сыра на досках, и пикули в миниатюрных баночках «Килнер»³⁶. На самом деле там было сумрачно и пахло затхлостью, а напитки подавали мутные. Это место исключительно для завсегдатаев. Правда, эти завсегдатаи должны страдать Стокгольмским синдромом, чтобы продолжать ходить в этот паб.

– Привет? – Я стучу костяшками по импозантной двери, которая приоткрыта. – Привет?

Я осторожно открываю ее и захожу внутрь. Вам знакомо это чувство, когда вы выходите из двери самолета и морщитесь в ожидании холодного британского воздуха, а вас встречает тепло от фена?

Сейчас происходит то же самое, только меня встречает красота.

Я вижу плавный изгиб барной стойки из красного дерева (оно подлинное), которое отчистили от столетней патины.

³⁶ Банки фирмы «Килнер» для консервирования и хранения продуктов.

За ней – винтажные зеркала, на фоне которых выстроились бутылки со спиртным. Причем напитки здесь отменные: дюжина различных джинов, «Апероль»³⁷, приличное виски. Я обожаю этот стиль «потертый шик»: смесь старого и нового. Да тут настоящий гламур!

Они отремонтировали паб, не вырвав его сердце. В кабинках у окон обивку для сидений в поезде заменили кожей цвета бычьей крови. Помещение освещено белыми фарфоровыми светильниками, низко повешенными.

Как мне помнится, пол был покрыт замызганным липким ковром. Теперь здесь темный паркет, покрытый лаком. Стены – цвета неба в сумерки.

Я чую запах жарящегося мяса. Столы выстроились вдоль стен, на них блюда с треугольниками мягкого белого хлеба, прикрытыми пищевой пленкой.

– Привет! Вы, должно быть, Джорджина?

Повернувшись, я вижу мужчину, который, опустив на пол большую композицию из цветов (слова составлены из оранжевых герберов и белых хризантем), устремляется ко мне, чтобы пожать руку.

– Девлин.

Он совсем не такой, как я представляла, когда мы говорили по телефону. Я полагала, судя по певучему голосу, что он похож на Хагрида. А он оказался энергичным мужчиной пяти футов с небольшим, с черными как смоль волосами, глу-

³⁷ «Апероль» – итальянский аперитив.

бокими морщинами и в модном пиджаке. Ему лет сорок, и у него привлекательная внешность.

– Вы так нас выручили, согласившись помочь!

– Никаких проблем... О, как тут здорово!

– Да, вы так думаете? – Девлин просиял от удовольствия. –

Каторжная была работа, но я доволен результатом. Вы знали этот паб прежде?

– Э-э... Знала, но не посещала.

– Да, это была забегаловка для алкашей, не так ли? Предыдущие владельцы тут все запустили. А ведь это настоящий бриллиант! Требовалась только оправа.

– Так и есть! Yay!

Теперь в пабе так красиво, что мне сразу становится лучше.

– Мы откроемся через неделю, поэтому еще не разобрались с кассами. Поэтому у нас будет бесплатный бар. Вам же меньше работы.

Кивнув, я улыбаюсь. Правда, я знаю по опыту, что бесплатные бары – это кровавая баня. А уж бесплатные бары на поминках – тем более. Как только отпадает необходимость платить, люди превращаются в животных. Марк сказал, что заплатят мне по-королевски, но только теперь я начинаю понимать почему.

Сейчас я впервые сталкиваюсь с похоронами после того, как двенадцать лет назад умер мой отец.

Когда мне было лет пятнадцать, мама приколотла к пробковой доске на кухне приглашение на заупокойную службу. Умерла моя кузина Дженет, физиотерапевт из Суонси. На конверте было написано: «Празднование жизни такой-то», а внутри были фотографии: Дженет в костюме клоуна на вечеринке, Дженет сидит в байдарке, Дженет поднимает бокал с арбузной маргаритой перед камерой, стоя рядом с подругой. Дресс-код – «краски радуги». Мама послала цветы.

Я помню, как папа раздраженно проворчал:

– Мне не нравится это «празднование», и фотографии капикулов, и веселье по поводу смерти. Пусть смерть будет смертью. Она печальна. И ни к чему эти нововведения! Куда это годится: мы в гавайских рубашках будем петь «КУМБАЙЯ МОЙ БОГ КУМБАЙЯ» и веселиться!

– Дженет сама решила, какими будут ее собственные похороны, – сказала мама.

– В таком случае Дженет эгоистична: они же не для нее, не так ли? Это такое событие, когда следует думать о чувствах других людей.

Мама вздохнула, а папа пробормотал что-то насчет того, что идет в магазин и не нужно ли что-нибудь купить, и вышел из комнаты.

Только годы спустя я поняла, что, вероятно, мама не по-

шла на похороны, потому что знала, как на это отреагирует папа. Действительно ли его раздражали эти жизнерадостные проводы с притопом и прихлопом? Или это был только предлог для них обоих, чтобы не присутствовать на заупокойной службе? Иначе им бы пришлось провести выходные в Уэльсе в обществе друг друга. Может быть, они спорили совсем не о том? Впрочем, как и всегда?

А три года спустя мы хоронили папу, зная, что он не одобрил бы веселье и не был религиозен. От этого было еще тяжелее. По странной иронии, он не подумал о наших чувствах.

Мы выбрали для его проводов стандартный набор: недорогой гроб, служба в церкви, которую папа никогда не посещал (желание мамы, потому что это шикарнее, чем крематорий), затем поминки в соседнем зале, где молодые официанты в белых рубашках и темных брюках подавали горячие напитки из больших канистр и теплое вино, кислое, как укус.

Я так явственно ощущаю ту тошнотворную атмосферу дурного сна, словно это случилось вчера. Казалось, вселенная внезапно накренилась, и не знаешь, как выбраться обратно. Мама и Эстер опознали тело. Меня не было, так как я училась на первом курсе в университете. Обычное утро – и вдруг мама услышала, как он рухнул на пол на кухне. Она бросилась туда и обнаружила, что он лежит ничком в луже кофе. Мне хотелось подойти к одному из этих мужчин с каменными лицами, в белых перчатках, обученных не смотреть в глаза, и, схватив их за серые лацканы, сказать: «Про-

изошла ужасная ошибка. В том гробу мой папа. Смерть случается с другими людьми, но не с моим папой. И, конечно, еще не сейчас. Мне нужно срочно обсудить с ним кое-что, так что заберите его оттуда».

Слово «утрата» приобрело новое значение, либо его значение прояснилось для меня: человек, который меня любил и который незаменим, исчез и забрал с собой наши отношения. Исчез не только папа – исчезли его планы на будущее, его одобрение, его мнение обо мне. Папы нет, а он мне так нужен! Я никогда больше его не увижу? Никогда?

Мы не попрощались.

Я неохотно возвращаюсь к этим воспоминаниям, затем отгоняю их. Это все равно что запихать в буфет слишком много вещей и прихлопнуть дверцу, чтобы они не выпали. И ты знаешь, что это ненадолго: когда ты откроешь дверцу в следующий раз, на тебя обрушится каскад.

Еще один знак, что эти поминки будут скорее в духе кузины Дженет, нежели моего папы – фотографии, которые висят, как флажки, на веревке над баром. На них белокурый мужчина, которому за тридцать, с худым длинным лицом: на Пиках, или в костюме римского центуриона, или в пабах 1990-х. Снимки сделаны, когда еще не фотографировали на телефоны и все мужчины, казалось, носили короткие кожаные куртки и голубые джинсы. Над снимками висит поникший флаг с надписью: «Покойся с миром, Дэнни!»

О нет, он молодой. Просто меня сбили с толку старые фотографии. Это вызывает боль. Когда умирает человек, который прожил долгую жизнь и находится в доме для престарелых или которого одолевают недуги – это одно дело. Я второй раз смотрю на фотографии, и у меня комок в горле. Как бы поздно ни кончились эти поминки и как бы неадекватна ни была моя оплата, я не стану сетовать.

– Мне уже доставать бокалы из коробок?

Я указываю на коробки с бокалами из толстого стекла и на свободный стол, покрытый бумажной скатертью.

– Да, это было бы здорово. Вы еще можете разливать красное и белое вино. – Девлин бросает взгляд на свои часы. – У нас есть около получаса. Они еще болтают возле церкви, служба только что закончилась. Католики, знаете ли. Они любят длинные церемонии.

Я снова смотрю на цветы и теперь вижу слова, составленные из них.

– ...«АЙРН БРЮ»? – спрашиваю я.

Девлин тоже смотрит на них.

– Да, Дэн любил «Айрн Брю»³⁸. Когда мы вспоминали его любимые вещи, то это были «Айрн Брю», покер, виски и титьки. Но я решил, что похоронная фирма согласится только на первое.

Я смеюсь, но тут же спохватываюсь.

³⁸ «Айрн Брю» – безалкогольный газированный напиток, выпускаемый в шотландском городе Камберланд.

– Примите мои соболезнования, – говорю я, зная по собственному опыту, как мало значат эти слова.

– О, спасибо, Джорджина, спасибо, – отвечает Девлин. Как приятно работать на того, кто помнит твое имя! Это означает: *Я знаю, что ты не только мой лакей и что у тебя есть своя жизнь за пределами нашей сделки.*

– Так рано, так рано... Но Дэнни никогда не собирался дожить до старости.

– О... – произношу я. – Мне жаль.

Он качает головой:

– Мой лучший друг. Мы познакомились на моей первой работе, на складе. Чудесный парень, знаете, сделал бы для тебя что угодно. Но любил выпить. Всегда под хмельком.

Я чувствую, что Девлин не обидчив, и рискую спросить:

– Он... он умер от алкоголизма?

– И да, и нет. Так нализался, что упал с лестницы и разбил себе голову. Обильное кровотечение. Доктора сказали, что мало надежды. Во всяком случае, он не был бы прежним Дэном.

– О господи!

– Тридцать три! Так рано!

– Тридцать три! – повторяю я. – Ужасно. Мне так жаль, Девлин.

– Моя невестка умерла год назад в этом же возрасте. На нас так и валится.

Мне оставалось только вздыхать и бормотать сочувствен-

ные фразы, но нашу беседу прервал мужчина, у которого подтяжки свисали на задницу. Он, в духе старой школы, не дает себе труда закрепить их как следует. В руках у него громкоговоритель.

При виде этого мужчины мне становится не так стыдно за свою черную майку и джинсы. Я не знала, подходит ли деним для подобного случая.

– Куда его поставить?

– Давай-ка посмотрим... Вон у той двери – в самый раз.

– Будет музыка? – спрашиваю я Девлина.

– О да, тут уж без музыки не обойтись, – отвечает он. Заметив, что я несколько удивлена, он добавляет: – Мне следовало сказать, что это скорее вечеринка, нежели поминки. Дэнни оставил четкие инструкции на случай своей внезапной кончины, и мы следуем им буквально.

Девлин делает паузу:

– Вероятно, он был в подпитии, когда писал их, но все равно.

8

Я получаю большое удовольствие от поминок, чего совсем не ожидала. К тому же мне еще и платят.

Скажу в свою защиту, что тут веселятся все. Музыка гремит, все орут, но настроены благодушно. И все, с кем я имею дело, вежливы, независимо от того, до какой степени нака-

чались.

По сравнению с поминками Дэна поминки кухни Дженет – просто собрание квакеров. Хотелось бы мне с ним познакомиться! Правда, я испытывала бы противоречивые чувства, наливая ему выпивку.

Девлин произнес краткую речь, и по его щекам струились слезы. Он говорил о том, как Дэн ненавидел поминовение, когда у всех мрачные лица.

– Он простил вам то, что вы все еще здесь, без него, и просит отпраздновать этот факт. В этом весь Дэн. За Дэна! – И он поднял бокал.

– За Дэна! – Все присоединились к этому тосту.

Поднимая свой бокал, я почувствовала, как у меня глаза наполнились слезами, и вытерла лицо передником.

Девлин сразу же сказал мне:

– Вы пропускайте стаканчик между делом, ладно? Это будет правильно. До тех пор, пока у вас не двоится в глазах, все прекрасно. И угощайтесь закусками из буфета.

Я наливаю себе шампанское, но мне некогда даже понюхать его. Однако это такая работа, когда время несется вперед, а не ползет. И все улыбаются мне, потому что их хорошо обслуживают. Как будто я щедро раздаю собственные дары.

Жена Девлина, Мо («Вы сразу узнаете ее, если увидите. Она крашеная блондинка маленького роста, все время наезжает на меня»), снабжает меня фруктами и льдом, а в остальном я справляюсь одна.

Я вспоминаю то, о чем забыла в траншеях «Это Amore!»: я хорошая барменша. Обслужив сто человек за два часа, могу легким движением запястья нарисовать трилистник на пене, разливая пиво.

Когда толпа редет, в центре зала образуется танцпол.

И тут я нахожу ящик шампанского, который потерялся в суматохе. Я сообщаю об этом раскрасневшемуся, экспансивному Девлину.

– Зовите меня Дев! Я Девлин только для моей мамы и для полиции. Спасибо за то, что дали мне знать.

Он стучит вилкой по бокалу:

– Внимание! Наша чудесная барменша нашла еще «Моэт». Я всегда говорю: доставайте лучшее, когда остались только свои. Давайте-ка выпьем еще по бокалу за дорогого Дэна.

Восторженный рев.

– А теперь аплодисменты Джорджине за ее классную работу сегодня вечером!

Девлин указывает на меня, все хлопают и свистят. Я краснею и думаю: ну что же, по крайней мере, Эстер теперь не скажет, что я подвела Марка.

Вечер тянется, и я ощущаю радостное волнение. Я чувствую себя своей – наполовину гэльской. Как Роза в «Титанике», когда она присоединяется к веселью под палубой и, подхватив юбки, отплясывает джигу под мелодию вистла³⁹.

³⁹ Вистл – продольная флейта.

Когда я, собрав бокалы, начинаю во второй раз разливать шампанское, то замечаю мужчину, который вошел в зал с толстой рыжей собакой на поводке.

Он высокий и темноволосый, в темно-синем пиджаке, воротник которого поднят. У него выющиеся волосы, черные как смоль. Я обратила на него внимание, потому что он ни с кем не здоровается и не присоединяется к собравшимся. Он с угрюмым видом, подчеркнуто «предается размышлениям». Словом, современный вариант мистера Дарси эпохи диско на балу.

Шумные «простолюдины» двадцать первого века раскачиваются под песню «При чем тут любовь» Тины Тёрнер, а он смотрит в пространство.

Я наблюдаю за ним, но мне загораживает обзор толпа. У меня возникает какое-то странное чувство: а должен ли он здесь находиться? Когда кто-то входит один, то обычно пытается привлечь к себе внимание, чтобы объявили о его прибытии. И почему он так поздно появился на поминках? Субъект, который устраивает свадьбу – только в данном случае поминки? Но зачем же так выделяться, приводя с собой собаку? Нет, он здесь определенно свой. Интересно, кто же он такой? Может быть, он был близок с Дэном и ему претит это неуместное веселье?

Мужчина переводит на меня взгляд, и я поспешно хватаю тряпку.

Пританцовывая под *Atomic* группы «Блонди», я принимаю

юсь протирать барную стойку.

– Извините, блондиночка?

Рассмеявшись, я поворачиваюсь. Девлин манит меня в дальний конец стойки и вручает пачку банкнот.

– Вы были сегодня просто супер, огромное вам спасибо.

Поблагодарив, я говорю, что получила большое удовольствие. И тут же осекаюсь: это неуместное слово, когда идет речь о безвременной кончине.

– Послушайте, я тут думал начет того, кого нанять в бар на постоянную работу. Потому что я терпеть не могу собеседования, резюме и весь этот вздор. Я предпочитаю познакомиться с человеком и увидеть его в деле, а устраивать собеседования мне кажется нечестным. Может быть, будем считать, что собеседование уже состоялось? Вас интересует такое предложение?

– Да! – восклицаю я и после первой бурной реакции решительно произношу: – Меня это очень, очень интересует, благодарю вас.

– Отлично. Мне нужно согласовать с братом, но это не проблема.

Окрыленная надеждой, я напоминаю себе, что когда предложения делаются в устной форме, да еще в сильном подпитии, они ничего не значат.

И тут я замечаю, что Одинокый-Мужчина-С – Сердитым-Взглядом стоит рядом с Девлином, пытаюсь привлечь его внимание. Теперь я вижу его вблизи. Это сногшибатель-

ный красавец: изгиб темных бровей, надутые губы, легкая щетина, подбородок кинозвезды.

Я застываю. Погодите-ка, я знаю это лицо. Рельеф изменился, и прошло много времени с тех пор, как я изучала его особенности, но нельзя сказать, что он совершенно незнаком. Отнюдь.

Доля секунды – и я узнаю его. Это словно удар ножом в сердце.

Его взгляд встречается с моим, и у меня захватывает дух. Песня «Блонди» взмывает ввысь, в ней поется о прекрасных локонах.

Девлин говорит:

– Познакомьтесь с моим братом Лукасом.

9

– Люк, – говорит Лукас, протягивая мне руку. Я с рассеянным видом бормочу «привет» и «Джорджина».

(Я чуть не вскрикнула: «Люк? С каких это пор?»)

Я вдруг сильно вспотела. Надеюсь, это произошло уже после рукопожатия.

Лукас что-то говорит Девлину на ухо, и этот конфиденциальный разговор явно не предназначен для посторонних. Подождав несколько секунд, чтобы это не выглядело бегством, я удираю в туалет.

Слава богу, тут никого нет. Воздух здесь прохладнее,

сквозь стену доносится музыка.

Я запираюсь в кабинке и таращусь на перегородку, отделяющую меня от пустой кабинки.

Девлин – это Девлин Маккарти? И там Лукас Маккарти? Боже мой! Как? Что? *Почему?*

Я вспоминаю, что у Лукаса был грозный старший брат, который ушел из школы. Но он был гораздо старше нас, так что я даже не знала его имя. У нас с Лукасом рты обычно были заняты друг другом, а не обменом семейными биографиями.

Но как же так, без всякого предупреждения? Тот, кто столько значит, не должен просто так возвращаться, без всяких фанфар. Это напоминает мне одну строчку из стихотворения, в которой говорится, что смерть – это просто другая комната. Лукас умер для меня – и тем не менее мы в одной и той же комнате. Это невозможно.

Правда, я всегда знала: это *может* случиться. Но через двенадцать лет вы убеждены, что это *не* случится.

Я мою холодной водой липкие от пота пальцы и всматриваюсь в свое отражение в зеркале. Проверяю, не застряло ли что-нибудь между зубами, яростно стираю макияж, который растекся и оказался под глазом.

Меня слегка трясет.

Мысленным взором я все еще вижу Лукаса Маккарти худым восемнадцатилетним парнем, каким когда-то его знала. Мне никогда не приходило в голову, что за это время он мог

превратиться в неотразимого мужчину. Стройный мальчик со слегка тревожным взглядом стал героем из поэзии Байрона.

А я? Я определенно не превратилась в роковую женщину. Тот же самый фрукт, заплесневевший в вазе.

И я слышу голос Тони: «Джули Гудиэр».

Яправляю волосы за уши и, выпрямившись, пытаюсь мыслить позитивно. Я в полном порядке. Все хорошо. И тут же чувствую, как пояс джинсов врезается в мягкую плоть. Ну почему у меня не тугое тело и нет ни малейшего сходства с кинозвездой?

Вот я тут дергаюсь, а ведь Лукас меня не узнал! В этом я совершенно уверена. Я чувствую, когда люди смотрят на тебя, говорят о тебе, исподтишка за тобой наблюдают.

У Лукаса не было ни малейших признаков – ни неловкости, ни легкого беспокойства. Выражение лица было рассеяннo-вежливым, как у человека, который общается с кем-то посторонним. Его взгляд ничего не говорил.

Возможно ли это? Джорджина – не такое уж редкое имя, но оно и не встречается на каждом шагу. Прошло двенадцать лет. Достаточно ли этого, чтобы начисто забыть кого-то? А внутренний голос шепчет: ты знаешь ответ. Неизвестно, сколько у него было других, не правда ли? И не так уж трудно какой-то Джорджине затеряться среди огромного количества других Джорджин.

Мне не хочется, чтобы Лукас знал, кто я. Однако мысль о

том, что он меня забыл, не столь приятна.

Я решаю быть прагматичной. Стенания могут подождать. Слава богу, это землетрясение случилось, когда поминки уже переходят в заключительную стадию.

Вернувшись в бар, я чуть не сворачиваю шею, стараясь не смотреть, что делает Лукас Маккарти. Мои клиенты текут тонким ручейком, который вскоре полностью иссякает.

Жена Девлина, Мо, говорит, что я, вероятно, могу уходить, и я от благодарности душу ее в объятиях. Нужно поскорее сматываться, чтобы избежать вопросов о том, как я буду добираться домой. Девлин из-за плеча жены изображает: «Я вам позвоню». Я с тяжелым сердцем отвечаю, подняв большие пальцы.

Вот и выход из паба. Не смотри ни налево, ни направо, закрой за собой дверь... А теперь выдохни.

Закурив долгожданную сигарету, я жду такси. Я попросила, чтобы оно остановилось за углом. Притоптывая от холода, я испытываю облегчение оттого, что сбежала. И мне наплевать, какая температура. Смотрю на мобильник: мой таксист Али в 4 минутах отсюда.

Я прохаживаюсь, чтобы согреться. Из-за двери паба просачивается музыка. Интересно, сколько еще они будут предаваться воспоминаниям за оставшимися бутылками шотландского виски?

Лукас Маккарти – брат Девлина. Девлин – брат Лукаса

Маккарти. Мне трудно это переварить.

Прохаживаясь мимо паба, я вижу фигуры, мелькающие в окнах. Но если я их вижу, то и они могут меня заметить.

А что, если кто-нибудь спросит, почему тут болтается барменша? Конечно, это идиотская мысль, но при виде Лукаса я совсем спятила. Я захожу за угол паба.

Из открытого окна веет кухонным жаром. Приблизившись к нему, я слышу разговор. Голоса то хорошо слышны, то затихают: собеседники передвигаются по кухне. От нечего делать я слушаю, снова проверяя мобильник. «Ваш водитель Али в 1 минуте от вас».

– Нет, послушай меня!

– Что...

– Люк! Вот что я тебе скажу...

Я выпрямляюсь. Значит, один из этих бесплотных голосов – Лукас? Теперь я слушаю диалог очень внимательно. Приходится напрягаться. Они говорят быстро и напористо, но я не могу разобрать слов.

И вдруг они оказываются у окна, и теперь все хорошо слышно.

– Несомненно. Временами был настоящий бедлам, и она превосходно справлялась. У нее есть хватка. Это как раз то, что нам надо.

– С чего ты взял?

Слышно, как на пол поставили что-то тяжелое.

– Да потому что она все время наполняла мой бокал!

Это сопровождается громким смехом, который безусловно принадлежит Девлину.

– Наливать выпивку в бокалы – не такая уж великая премудрость. Это не астрофизика, не правда ли?

– И управлять пабом – тоже.

Они говорят обо *мне*?

О нет! Мое такси уже здесь. Я делаю отчаянный знак: «да, да, иду, только докурю сигарету», и шофер отвечает безразличным взглядом.

– Превосходно! Значит, будем нанимать блондинок, которые приглянулись моему брату. У нас же не «Хутерз»⁴⁰, Дев.

Я не могу поверить, что это сказано обо мне. И тем не менее эти слова явно относятся ко мне.

– Она милая, разумная девушка. И прекрасно держится. Я не понимаю, в чем проблема.

– Мы же ничего о ней не знаем. Не знаем, милая ли она. Ты действовал через мою голову, давая ей обещания, – вот в чем проблема.

– Дай ей шанс, ты, циничный придурок. Урок сегодняшнего вечера в том, что не следует быть циничным придурком.

– А я думаю, урок в том, чтобы не делать глупости, когда ты так надрался. Кто ж рисует трилистник на пивной пене? Пусть она идет работать в какую-нибудь пивнушку.

Громкий смех.

⁴⁰ «Хутерз» – американская сеть ресторанов с полуобнаженными официантками, основанная в 1983 году.

– О господи! Ты несправедлив к ней, Люк. Это НЕВОЗМОЖНО...

Таксист кричит:

– Я включаю счетчик, дорогая! Поехали!

Вздвогнув, я устремляюсь к машине. Только бы братья не заметили, что я находилась поблизости!

Я только что услышала, как Лукас Маккарти недвусмысленно заявил, что нанять меня равносильно самоубийству.

Когда мы останавливаемся в Крукс и я достаю деньги, чтобы расплатиться, то замечаю, что Девлин дал мне на пятьдесят фунтов больше, чем следовало. Обычно такое объясняют тем, что это сделано с пьяных глаз. Но я не сомневаюсь, что Девлин просто щедрый.

Черт возьми! На один краткий, блаженный миг я подумала, что у меня будет работа, которая мне нравится, у человека, который мне нравится. Но он – брат Лукаса Маккарти.

И с каких это пор он «Люк»? Я негодную, хотя это и нелепо, как будто он совершил подлог. Предательство. *Предательство*. Я верчу в уме это слово. У него острые края, которые ранят.

В трансе бреду из кухни в ванную, надевая пижаму, но мысли мои далеко.

Мы же ничего о ней не знаем.

О, в самом деле.

У нас же не «Хутерз», Дев.

Надменный ублюдок! Это что, сексизм? Разве где-нибудь

берут на работу из-за цвета волос? Я так не думаю.

Итак, теперь Лукас взрослый, ему принадлежит паб, и он им управляет. А мне тридцать лет, и я выпрашиваю работу в этом пабе. Какое унижение!

Я в любом случае не хочу работать у тебя, так что в дураках остался ты.

Но, господи, как же я хочу там работать! До этой встречи я бы сказала, что работать у Лукаса Маккарти – это то, что мой папа называл «ночной кошмар из-за сыра, съеденного перед сном».

А теперь, когда мы снова встретились, у меня противоречивые чувства. Он сказал, что я буду проблемой и что он «не знает, милая ли я». И тут во мне разыгралась гордость.

Может быть, Лукас только притворялся, что не узнал меня? А на самом деле узнал и поэтому не желает меня нанимать? Этот вариант меня устраивает. Это означало бы, что он меня не забыл, а это важно. Даже если не столь важно для него – я не склонна заблуждаться до такой степени.

И тогда болтовня о «какой-то там блондинке» не в счет.

Я вспоминаю нашу встречу, пытаюсь найти малейшие признаки неловкости с его стороны, и прихожу к выводу: нет, ничего такого не было. Было только каменное лицо.

Но я так и не услышала, кто победил в споре обо мне. Может быть, я еще и не получу эту работу.

Я взвешиваю варианты.

Девлин звонит: «О, дорогая, место уже занято». К тому

времени он протрезвеет, и эта фраза представляется правдоподобным результатом беседы, которую я подслушала. Было бы несправедливо навязывать меня Лукасу, даже если бы не было нашей истории.

Второй вариант: меня берут на работу, но Лукас настроен против меня. И это еще цветочки по сравнению с его реакцией, когда он узнает, кто я такая.

И наконец самый лучший сценарий: я получаю работу, и все прекрасно. Лукас неохотно соглашается. Я горю на работе, и мы сносно ладим. И он так никогда и не вспомнит мое лицо.

Я лежу в постели, и мое дыхание порождает призраков в сыром воздухе. Интересно, почему мой самый лучший сценарий кажется самым плохим?

10

Я не знала, что такое потеря, пока не потеряла папу, и не знала, что такое сожаления, пока не потеряла Лукаса Маккарти.

Хотя, как сказала мой психоаналитик Фэй, я не могла полностью контролировать ситуацию. Мои сожаления связаны с тем, что я считаю, будто вся ответственность лежала на мне. Но на самом деле я имела власть только над своей ролью в этой истории. Лукас был «независимым актером».

Я сказала:

– Гм-м... О'кей, я сожалею о своей роли в этой истории.

– Тогда прими это. Это твое, прими это.

Она взяла кружку и, поставив ее на стол, подтолкнула ко мне. Это был как бы символический жест. Полагаю, это не сработало потому, что на кружке был изображен Кинг-Конг. К тому же кружка явно была личным артефактом.

Я придвинула к себе кружку и кивнула:

– Предполагается, что я почувствую себя лучше?

– Ну, не в буквальном смысле. Это же не автоматическое улучшение, и слова – не магические чары. Но это может избавить вас от пагубной системы мышления, когда вы постоянно ругаете себя за то, что нельзя изменить. Вы не всемогущее божество, вы человек, который идет вперед, учится и иногда делает ошибки. Как и все мы.

Тут я заплакала, и она сказала:

– Хорошо, что вы можете плакать об этом.

Я спросила:

– *Серьезно? Почему?*

При этом я вытирала потекшую тушь бумажными носовыми платками из коробки на письменном столе Фэй. Она ответила:

– Потому что когда вы принимаете боль, то это помогает от нее избавиться и позволяет идти дальше.

Честно говоря, мне кажется, что суть психоанализа в том, чтобы признать, что ты по уши в дерьме, и примириться с этим в духе дзен. Сказать себе: по крайней мере, моим ушам

тепло.

Правда, я была довольна, что пошла к психоаналитику. Мне нравилась Фэй с ее рыжими, выкрашенными хной волосами, черными платьями из джерси с пышными юбками и очками, угнездившимися на самом кончике носа. И хотя час в неделю, проведенный в комнате с бамбуковым растением и картиной, на которой были изображены парусники в гавани Маусхоул, не развязывал узел, этот сеанс ослаблял его.

Объявление на стене в вестибюле уведомляло, что я могу обратиться по ряду вопросов, включая:

- переедание на нервной почве;
- беспокойство;
- тревоги по поводу долгов;
- расстройство личности;
- зависимость от интернета;
- хроническая боль и как с ней справиться.

Я подумала: похоже на мое состояние в обычные выходные, ха-ха-ха. (Фэй объяснила, что я высмеиваю себя рефлексивно. Я ответила, что не могу серьезно относиться к своим проблемам, когда некоторые люди живут без удобств. «Всегда найдутся те, кому хуже, чем вам. Но это не делает ваши проблемы несущественными. Их не следует мерить по признанной международной шкале боли, прежде чем мы решим, достаточно ли серьезно ваше состояние, чтобы лечиться».)

Я пришла к психоаналитику, чтобы говорить не о Лукасе, а о моем папе. Однако Фэй сказала, что большинство людей останавливаются на том, что говорят на тему, которую не собирались обсуждать. Вас удивит, сказала она, что на сеансах семейной терапии родители, которые пришли, чтобы анализировать поведение трудного ребенка, часто кончают тем, что вместо этого выкладывают собственные проблемы.

Я возразила:

– Знаете, я не буду.

Я никогда не говорила о Лукасе ни Джо, ни сестре, вообще никому. И казалось странным перевести мысли, крутившиеся у меня в мозгу, в реальные гласные и согласные. В этой комнате, при чужом человеке. Таким образом они бы начали жить собственной жизнью.

Я не рассказала Фэй всю историю до конца.

Думаю, самой большой травмой было то, что мы с Лукасом никогда больше не говорили после выпускного бала. И дело не только в том, что наши отношения остались незавершенными, не было никакого заключительного разговора. Мы сдали экзамены, и со школой было покончено. У нас не было общих друзей, которые привлекли бы нас на одну орбиту, тем летом или когда-нибудь после. Когда остается так много недосказанного, твой разум волен расставлять слова, которыми вы никогда не обменивались, в тысячах разных вариантов. И уж поверьте мне, я этим занималась. А потом умер мой папа, вскоре после этого я бросила университет, и на-

чалось стремительное падение на дно. Насколько мне удалось выяснить, Лукас не был пользователем социальных сетей (если только он не заблокировал меня). Иначе я могла бы дать слабину и обратиться к нему в последующие годы. Но, честно говоря, я понятия не имею, что сказала бы, если бы нашла его. Это была бы настоящая трагедия. Слава богу, я не подверглась искушению. Я так хотела услышать от него то, что мне никогда не суждено услышать.

В конце того сеанса Фэй сказала:

– А что, если вы сожалеете не о том, что случилось с этим мальчиком, а о себе? Это *вы* остались там – та девочка, которой вы были в восемнадцать лет. И вы оглядываетесь на это как на водораздел. *Вы порвали с собой.*

Меня поразило, насколько это верно.

Я имею в виду, что если бы я была новым компаньоном «Доктора Кто», а он бы носился вокруг будки Тардис, орудуя рычагами на пульте управления и с адским шумом запуская машину времени, и вдруг спросил меня: «Куда, Джорджина Хорспул?» – я бы, ни секунды не колеблясь, назвала вечер в захудалом пабе в северной Англии, в начале двадцать первого века.

Белокурая девушка в красном платье от Дороти Перкинс и в неудобных туфлях неуверенной походкой направляется туда. Пока что она еще не обладает умением справляться с хронической болью.

Что меньше всего нужно после ночи, проведенной в сумерках души? И когда ты, лежа без сна, вновь переживаешь худшие моменты из прошлого и всматриваешься в мрачное настоящее? Воскресный ланч с семьей. Особенно с моей семьей.

Мне бы хотелось отвертеться от сегодняшнего ланча у Эстер, но она будет ждать отчета о вчерашнем вечере. Я уже не говорю об ужасающем чувстве вины из-за того, как она со мной возится.

В состязании между «Не Идти» и «Притащиться Туда» с большим перевесом побеждает второе благодаря напору Эстер.

Мне велено прибыть в середине дня с хорошей выпивкой. К счастью, у меня осталось несколько бутылок приличного «Божоле» от последнего визита Робина. Несмотря на диету «недели первокурсника», Робин любил классную выпивку.

Пусть я совсем обнищала, но поехать к Эстер на такси – это единственный возможный вариант в воскресенье. Дело в том, что она живет на другом конце города. Если ехать на общественном транспорте, придется делать три пересадки, перескакивая с одного автобуса на другой, и пройти пешком половину Пик-Дистрикт. Я мрачно смотрю в окошко на меняющийся пейзаж. Послевоенные дома-коробки, рестораны

с едой навывнос, забегаловки и конторы букмекеров района Крукс сменяются центром города. Затем такси направляется в Пикс, и вот мы уже в более зеленой и приятной местности.

Моя сестра, ее муж и их сын живут в деревне Дор, в отдельном доме на одну семью. Он роскошный, с двойным гаражом, кухонная дверь ведет в ухоженный садик. А еще есть большое патио для барбекю летом.

Что касается интерьера, то Эстер любит лозунги на стенах, поднимающие дух, типа «ЖИВИ ЛЮБИ СМЕЙСЯ». Это странно, потому что она вовсе не эксцентрична. Тут всегда таится намек для меня: *порка будет продолжаться до тех пор, пока не улучшится моральное состояние*. Я могла бы презентовать ей такой лозунг: «СМЕЙСЯ ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ».

Хотя в моей жизни много неудач, я упрямо горжусь родным городом. Я люблю Шеффилд, несмотря на частые холода, и приходится все время подниматься в гору. Если у городов есть характер, то у Шеффилда мой характер.

– А вот и она, розовая овца семьи! – восклицает Джеффри, открывая дверь и критически рассматривая мое пушистое розовое пальто. Он заменил слова «паршивая овца» в известной идиоме. Если бы мне нужно было найти цитату, чтобы выразить суть Джеффри, то это приветствие подошло бы идеально. Оно якобы веселое, но на самом деле ядовитое.

Однако приходится засмеяться, иначе меня сочтут гру-

бой. Разделять шутку, нацеленную в меня, – в этом мне нет равных.

Его джемпер, как всегда, на размер меньше, волосы зачесаны, чтобы скрыть намечающуюся лысину. Они какого-то странного, неестественного цвета, и мы с Эстер втайне окрестили башку Джеффри «Тыква с Начесом». Я выдавливаю улыбку, снимая пушистое пальто. Он принимает у меня вино и, поправив на носу очки для чтения, вертит бутылку, рассматривая ярлык.

– Гм-м... Не слышал о таком. По крайней мере, оно может смыть вкус брокколи, ха-ха.

Итак, еще один выпад. Он усмехается, а я морщусь и уже не в первый раз думаю: я знаю, мама, тебе было нелегко, но почему же *он*? Потом мне приходит мысль, что не мне бы рассуждать на эту тему.

На кухне кипит бурная деятельность: дверцы духовки то открываются, то закрываются, то и дело хлопают друг о друга кухонные рукавицы. Джеффри считает себя экспертом по йоркширскому пудингу. Он из тех, кто превращает все в состязание. Сейчас он, Марк и мама столпились вокруг миски со смесью для пудинга, обсуждая тактику. Правда, мама держится несколько поодаль, чтобы не забрызгали ее платье. Моя мама – серебристая блондинка, она всегда безукоризненно одета. Однажды Джеффри назвал ее «золотым стандартом». Да уж!

Эстер зовет меня:

– Посиди с Майло, я принесу тебе выпить.

Я очень охотно шагаю по коридору в гостиную.

Моему племяннику Майло шесть. На нем брюки из хлопчатобумажной ткани, и он чем-то поглощен. На мой непрошенный взгляд – это дом на дереве из конструктора «Лего».

– Привет, Майло!

– Ло.

– Что это? Медведи в лесу...

– Эвоки, – отвечает он, явно раздосадованный тем, что приходится отвлекаться.

– А! Да, знаю. А это их дом?

– Да, – сердито отвечает Майло. Даже ребенка раздражает мое присутствие.

– Вот этот выглядит очень мило. Кто он? Или это она?

Майло скривился, пытаясь быть снисходительным к моим глупым вопросам.

– ПАПЛУ!

– Паплу. Мне нравится его шарф.

– Шапочка, – поправляет Майло.

Появляется Эстер с бокалом «Кавы» для меня. Моя первая реакция: «О боже, только не это!» – за которой сразу же следует: «О боже, да».

– Ну и как все прошло вчера вечером? – спрашивает она, пристально на меня глядя. – Тебе удалось прилично себя вести?

Эстер похожа на меня, но она более худая и бюст у нее меньше. Короткая стрижка как бы говорит: «Я очень занята». Сестра может похвалиться различными умениями, которых у меня нет: проводить ревизию налоговых деклараций; приготовить приличный бешамель для лазаньи; держать себя в узде. Я знаю, что подробный отчет о вчерашнем вечере плохо кончится, и пока что неважно себя чувствую для допроса. Но, к счастью, у меня есть замечательная новость, чтобы отвлечь сестру. Если она отнюдь не благоволила к Тони, то Робина терпеть не могла.

– Все прошло прекрасно, спасибо. На самом деле есть более важная новость. Сразу же после моего увольнения из «Это Амоге!» мы с Робинотом расстались.

– О! – произносит Эстер, округлив глаза. Она колеблется, решая, не присесть ли ей со вторым бокалом «Кавы», который держит в руках. – Что случилось?

– Я... э-э... – С одной стороны, мне не очень-то хочется подтверждать ее подозрения насчет Робина. С другой стороны, если я хочу сблизиться с сестрой, оставлять ее в неведении – не лучший способ. К тому же я не могу удержаться и не рассказать смешную историю. – Я застучала Робина... – Я тру нос, глядя в сторону Майло, – когда его чэ-эл-е-эн был в одной леди.

Эстер ахает и хватается за свое ожерелье от «Тиффани».

– Застучала? Ты была там?

– Да, и мне прекрасно была видна сцена, – отвечаю я, де-

лая большой глоток «Кавы». – Я была, так сказать, в бельэтаже. Робин дал мне ключ от своей квартиры, и я неожиданно оказалась свободна. Он считал, что я на работе.

– О господи! Не знаю, что бы я сделала, если бы... если бы застала такую сцену.

– Я тоже не знала, что делать. Просто орала. Это была его личная помощница, Луиза.

– Вот как? Он же сказал тебе, что его не будет в городе?

Я открыла было рот, чтобы возразить: «Нет, с чего ты взяла?» – но вовремя вспомнила, что солгала насчет причины, по которой он не может быть здесь сегодня.

– А? Да, – бормочу я.

– Мне бы следовало сказать, что я удивлена, но он не казался самым надежным из людей. Отпускал шутки насчет наркотиков при маме и Джеффе.

– Гм-м.

Я смотрю на пузырьки, поднимающиеся в бокале, и на облупившийся лак на своих ногтях.

– Я не могла понять, насколько у тебя было серьезно с Робинном.

– Думаю, я тоже не могла это понять. Наверное, нет. Все шло хорошо – и вот пожалуйста.

Эстер бросает взгляд на Майло, чтобы убедиться, что он занят своими пластмассовыми фигурками, и тихо произносит:

– Я знаю, ты и твои феминистские подруги осудили бы

меня за это, но я старомодна. И не думаю, что улечься с кем-то в постель в первую же ночь, прежде чем узнать человека, приведет к успеху.

Я издаю стон. Как неразумно с моей стороны было рассказывать о том, как я познакомилась с Робинотом!

– Можешь смотреть на меня вот так сколько угодно! – говорит Эстер. – Это суровая правда жизни: никто не ценит то, что слишком легко достается. Ни мужчины, ни женщины. Ты же не хотела, чтобы он обращался с тобой, как с какой-то доступной группой. И тем не менее...

Она смотрит на меня, пытаюсь понять.

У сестры совершенно превратное представление о моей сексуальной жизни. Она думает, что я на переднем крае борьбы за свободную любовь, что у меня часто случаются свидания на одну ночь и для меня это так же легко, как для нее – выпить чашку черного кофе. Я никогда не давала себе труда развеять это заблуждение и объяснить, что у меня были только те бойфренды, о которых она знает. Эстер почему-то считает, что я не нашла никого стоящего потому, что слишком несерьезна. Я предпочитаю, чтобы она считала меня несерьезной, нежели печальной.

– Не думаю, что у нас Робинотом что-нибудь вышло бы. Он твердил, что *не верит в верность единственному человеку*, ведь он не застрял в шестидесятых. Мы были просто кораблями, проходившими мимо друг друга в дерьме.

Наши взгляды обращаются к Майло, но он что-то шепчет

Паплу.

– Прости, – шепчу я Эстер.

– Осторожнее. Он сейчас как чертов попугай, – шипит она. Затем продолжает уже в полный голос: – Какая пустая трата времени! Тебе уже тридцать. Конечно, тебе нужно что-то более надежное.

Она говорит в точности, как мама. И я сразу же ощущаю в себе бунтарский дух тинейджера.

– Не знаю, хочу ли я предложения руки и сердца. Но действительно, было бы неплохо встретить кого-то более преданного. Такого, кто не станет заниматься эс-е-ка-эс-ом с другими женщинами.

Эстер постукивает кончиками пальцев по ручке кресла.

– Кого же ты ищешь? Я пытаюсь представить его.

Она говорит, как Рэв. Это глупо, что я слишком уж стараюсь? *Выпендриваюсь?* Папа однажды сказал мне, что я обожаю выпендриваться, но при этом терпеть не могу быть в центре внимания. «Парадокс, который ты разрешишь в один прекрасный день». Увы, папа никогда не увидит этого дня.

– Я сильно подозреваю, что моя половинка не существует, – шучу и, взяв горсть фисташек из фарфоровой вазочки в форме листа на кофейном столике, принимаюсь их чистить.

– А я уверена, что он существует. Просто...

Так, сейчас начнутся поучения.

– Просто то, что кажется любовью в девятнадцать-двадцать лет, и то, что оказывается на самом деле, когда стано-

вишься взрослым, – это две разные вещи. Но некоторые из нас продолжают искать первый вариант еще долго после того, как пора от него отказаться, – говорит Эстер. Это больно ранит, особенно когда свежо воспоминание о вчерашнем вечере. Я молчу.

– Может быть, мое представление о том, какой должна быть любовь, отличается от твоего, – добавляет Эстер, совершенно превратно поняв мое молчание. Я знаю, что у нее благие намерения. – Вот что я хочу сказать: тебе нужно снизить уровень своих ожиданий. Ты же не собираешься искать кого-то, кто зажжет в твоём сердце огонь? И знаешь почему? Потому что сгорать от любви – плохая идея. Она разрушительна. Когда сегодня кто-нибудь описывает любовь, то обычно имеет в виду похоть.

Я тихо смеюсь, прикрыв рот рукою, чтобы не разлетелся кусочек ореха.

– Что тут смешного?

– «Снизить уровень своих ожиданий». Я застала Робина, когда он был по самые яйца в другой. Неужели может быть что-то ниже этого? Мне что, начать писать письма в тюрьму приговоренным к пожизненному заключению? «Дорогой Питер Сатклифф...»⁴¹

Даже Эстер фыркает.

Майло говорит:

⁴¹ Питер Сатклифф (1946–2020), «Йоркширский потрошитель» – британский серийный убийца.

– Яйца. Я-яйца.

– Майло! Помнишь наш разговор о том, что не следует повторять разные вещи? Тетя Джорджина говорила о яйцах под майонезом. Правда?

– Конечно. Они очень вкусные, – подтверждаю я.

– Майонез, – говорит Майло. – Яйца под майонезом. Майца.

– Да! – радостно кивает Эстер. – Майца! Э-э... – Она встряхивает головой и улыбается благостной материнской улыбкой. – А как зовут этого Эвока?

– Корабль в дерьме.

После того как Майло было дано исчерпывающее объяснение, я сказала Эстер, что было бы хуже, если бы он повторил имя Йоркширского потрошителя. Но она не смягчилась.

Как только мы уселись за стол и с жадностью набросились на жареный картофель (тут есть какой-то магический секрет, включая корочку из манной крупы), на подъездной аллее останавливается большой автомобиль. Я вижу, как водитель выходит и начинает раскладывать кресло на колесиках. Несколько минут спустя в кресло помогают усесться громоздкой восьмидесятилетней Нане Хогг.

Эстер в равной степени боится и презирует бабушку Марка по отцовской линии из-за того, что последняя чрезмерно груба. Эстер заявляет, что у нее старческий маразм, но я в этом не уверена. Мне кажется, она просто вздорная и давно

уже в тех годах, когда «Мне-Плевать-Как-Я-Выгляжу». Поход в гости из дома для престарелых – шанс для анархии.

Из чувства долга и почтения к ее возрасту никому не приходит в голову не приглашать ее на воскресные ланчи. Эстер терпеть не может Нану Хогг, тогда как я наслаждаюсь ее обществом. Вероятно, потому что, в отличие от остальных, у меня нет респектабельного фасада, который могла бы разрушить старушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.